Master Negative Storage Number

OCI00051.14

Branke, Nikolai

Getman Bogdan Mikhailovich

Moskva

1913

Reel: 51 Title: 14

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00051.14

Control Number: BGO-1190
OCLC Number : 25126436
Call Number : W 381.5917N B733g
Author : Branke, Nikolai.
Title : Getman Bogdan Mikhailovich Khmel'nitskii / Nikolaia Branke.
Edition : 5. izd.
Imprint : Moskva : I.A. Morozov, 1913.
Format : 95 p. ; 18 cm.
Note : Color illustration on cover.
Subject : Khmel'nyts'kyi, Bohdan, ca. 1594-1657.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/21/94
Camera Operator: DR

W 8b

PRESENTED TO THE

CLEVELAND
PUBLIC
LIBRARY

FRIENDS OF THE CLEVELAND PUBLIC LIBRARY, INC.

ГЕТМАНЪ

БОГДАНЪ

ХМЕЛЬНИЦКІЙ

ГЕТМАНЪ
БОГДАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ
ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Николая Бранке.

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ.

Изданіе книгопродавца И. А. Морозова.

Москва.
Тип. А. А. Стрѣльцова, Покровскія вор., д. № 16, Зибертъ
1913.

ГЕТМАНЪ
БОГДАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ
ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

ПОСВЯЩАЮ

Маріи Ивановнѣ

ФОНЪ-БРАНКЕ.

Вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность посвятить Вамъ, дорогая моя матушка, мой первый трудъ, въ этомъ небольшомъ историческомъ разсказѣ, въ знакъ моей полной душевной признательности за то, что Вы первая, которая со дня моего рожденія, старалась вдохнуть въ меня тѣ горячія чувства любви къ Вѣрѣ, Престолу и обожаемой святой Руси, которыя я вездѣ и всегда, какъ Святыню, сохраню до послѣдней минуты моей жизни!

Многолюбящій сынъ вашъ

НИКОЛАЙ БРАНКЕ.

1874 г. 15 Іюля.
Село Орловая-Балка.

Прошло болѣе 200 лѣтъ съ того времени, какъ знаменитый Богданъ Хмельницкій сложилъ свои кости среди обожаемаго имъ малороссійскаго народа, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь.

Благодарное потомство изъ поколѣнья въ поколѣнье передаетъ его дѣла, а исторія записала его имя на своихъ скрижаляхъ.

Между тѣмъ все-ли сдѣлано уже для того, чтобы это дорогое имя стояло на высотѣ той славы, какой оно достойно? Нѣтъ,—настоящему только времени суждено отдать ему полную дань сердечнаго долга, чтобы его имя вѣчно жило среди народа, чтобы оно, такъ сказать, вошло въ тѣло и кровь народа, чтобы народъ созналъ, что Богданъ даровалъ ему будущее развитіе его, въ общемъ организмѣ великой русской семьи, присоединивъ Малороссію къ Россіи, чтобы, наконецъ, его имя служило идеаломъ стремленій народа къ достиженію своего благосостоянія.

Въ настоящее царствованіе, на ряду дѣлъ, совершенныхъ для блага Россіи нашимъ обожаемымъ Монархомъ, предположено воздвигнуть въ Кіевѣ памятникъ гетману Богдану Хмельницкому, который, на закатѣ дней сво-

ихъ, имѣлъ утѣшенье видѣть осуществленіе завѣтныхъ своихъ желаній подъ скипетромъ Русскаго Царя.

Полагаю, что во время будетъ теперь и мнѣ, не претендующему вовсе на званіе автора историческихъ сочиненій, принести обществу свой посильный трудъ, въ простомъ но полномъ истины, очеркѣ подвиговъ Богдана.

Надѣюсь, что мой трудъ найдетъ мѣсто въ тѣхъ первоначальныхъ народныхъ школахъ, задачей которыхъ служитъ доставить массѣ народа здравыя понятія по отношенію къ Вѣрѣ, Царю и Отечеству, и доказать народу, что воспоминаніе о великихъ отечественныхъ событіяхъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ, болѣе всего можетъ укрѣпить въ народѣ сознаніе счастья, которымъ онъ пользуется подъ Державнымъ Скипетромъ Августѣйшаго Монарха и послужить урокомъ, какъ должно жить, трудиться и служить, чтобы честно исполнить свой долгъ.

Николай Бранке.

„Зиновій Хмельницкій принадлежитъ къ разряду тѣхъ историческихъ дѣятелей, которымъ выпадаетъ на долю разрѣшеніе крупныхъ задачъ въ жизни народовъ. Такихъ людей называютъ великими. Но народъ, обязанный Хмельницкому освобожденіемъ отъ чужеземнаго порабощенія, не назвалъ его великимъ, а прозвалъ Богданомъ и этимъ прозваніемъ прекрасно опредѣлилъ свое нравственное отношеніе къ Польщѣ и къ Россіи: человѣкъ, освободившій его отъ первой и возсоединившій его съ послѣднею, явился сознанію народному Богомъ даннымъ".

М. Юзефовичъ.

ГЕТМАНЪ
БОГДАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ
Хмельницкій.

Отецъ Богдана Хмельницкаго, Михайло, сотникъ Чигиринскаго казачьяго полка, былъ уроженецъ города Лисянки. Службу онъ свою началъ у польскаго короннаго гетмана Жолкевскаго, потомъ былъ сборщикомъ податей и счетчикомъ въ Чигиринѣ, въ награду за свою усердную службу получилъ хуторъ Субботовъ, женился на дочери одного простого казака, и Богу было угодно отъ этого брака подарить Украйнѣ ея освободителя въ лицѣ Богдана.

Въ 1620 году казаки помогали полякамъ въ войнѣ противъ турокъ, но эта война кончилась для нихъ очень неудачно. Турки

разбили ихъ въ сраженіи при Церорѣ (мѣстечко при рѣкѣ Прутѣ).

Въ этомъ сраженіи былъ убитъ отецъ Богдана, самъ же Богданъ, въ этотъ горестный для него день, впервые оказалъ чудеса храбрости: видя, плавающее въ крови, тѣло отца своего, онъ, какъ раненый львенокъ, влетѣлъ далеко въ ряды непріятельскіе и, нещадя своей жизни, рубилъ направо и налѣво, мстя туркамъ за смерть отца; но наконецъ будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, долженъ былъ сдаться плѣннымъ. Турки, видя его храбрость и молодость, пощадили его жизнь, но продержали его два года въ плѣну. Плѣнъ этотъ принесъ Богдану пользу: онъ изучилъ турецкіе нравы, обычаи, языкъ и способъ вести войну, что было для него весьма пригодно впослѣдствіи. Черезъ два года, по размѣнѣ плѣнныхъ, онъ вернулся въ свою родную Украйну, вступилъ на службу къ Потоцкому одному изъ богатѣйшихъ польскихъ пановъ, и завѣдывалъ его конюшнями. Преданіе говоритъ, что Потоцкій, однажды напившись пьянъ, едва не отрубилъ головы своему конюшему. Богданъ бѣжалъ отъ него въ Запорожскую сѣчь и записался въ казаки.

Тамъ онъ своимъ умомъ, храбростью и смѣтливостью пріобрѣлъ себѣ отъ всей Запорожской братіи любовь и уваженье. Несмотря на это не сидѣлось ему въ Запорожьѣ. Желаніе славы и любовь къ родной Украйнѣ заставили его вернуться на родину и записаться въ украинскіе казаки. Онъ и здѣсь, тоже, въ скоромъ времени, благодаря своей талантливой натурѣ сдѣлался общимъ любимцемъ и черезъ нѣсколько лѣтъ дослужился до почетнаго званія войскового писаря. Богданъ горячо любилъ казаковъ и ревностно защищалъ казачью вольность, но научившись у іезуитовъ хитрости и лукавству, онъ умѣлъ ладить съ полякими—до поры, до времени и увѣрять ихъ въ своей дружбѣ. Это онъ дѣлалъ съ цѣлью скрыть свои настоящія намѣренія и отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе со стороны поляковъ, выжидая благопріятной минуты нанести имъ рѣшительный ударъ и освободить дорогую Украйну отъ ненавистнаго, тягостнаго и позорнаго польскаго ига.

Недолго пришлось ждать Богдану. Сами обстоятельства скоро вызвали его на явную и ожесточенную борьбу съ ними: сидѣвшій въ это время на польскомъ тронѣ, король Вла-

дисла въ задумалъ при помощи казаковъ произвести въ Польшѣ переворотъ, чтобы усилить свою королевскую власть, которую у него почти всю отняли паны и ксендзы. Они дошли до такого самоуправства, что не хотѣли слушать ни короля, ни сеймовъ, когда имъ приходилось защищать угнетенныхъ крестьянъ отъ варварскаго обращенія помѣщиковъ. Это было горькое время для народа, особенно потому, что къ другимъ бѣдствіямъ присоединилось еще новое зло—введеніе Уніи: оно особенно тяжелымъ бременемъ легло на простой народъ, твердый въ вѣрѣ своихъ предковъ, не желавшій отстать отъ православнаго благочестія. Дворянство же, подстрекаемое ксендзами, напротивъ того, почти все перемѣнило вѣру, языкъ—сдѣлалось поляками. Черезъ 30-ть лѣтъ какихъ-нибудь, послѣ введенія Уніи въ западномъ краѣ, только одни крестьяне съ своимъ духовенствомъ остались русскими по вѣрѣ, языку и правамъ,—все остальное ополячилось. Естественно, что паны стали смотрѣть теперь на крестьянъ, не только какъ на безгласныхъ рабовъ, но и какъ на презрѣнныхъ еретиковъ, исповѣ-

дующихъ хлопскую вѣру, говорящихъ хлопскимъ языкомъ.

Хотя и до Уніи, крестьяне закрѣплены были за панами и сдѣланы ихъ полными рабами, хотя паны могли казнить своихъ крестьянъ, недавая никому въ томъ отвѣта, но все-таки до Уніи, по крайней мѣрѣ, единоисповѣдуемая православная религія удерживала, смягчала, такъ сказать, жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами, но теперь и эта связь рушилась. Угнетеніе народа доходило до ужасающихъ размѣровъ! Не говоря уже о тяжелыхъ работахъ, о безчисленныхъ поборахъ, пошлинахъ, которыми обложены были домашній скотъ, хлѣбъ и все добро крестьянское,— самая религія теперь сдѣлалась причиной новыхъ поборовъ и притѣсненій. Польскіе паны обыкновенно отдавали имѣнія свои жидамъ въ аренду, а жиды выдумывали новые поборы, и если крестьяне не слушались, то казнили ихъ смертью.

Алчные жиды извлекали выгоду даже и изъ религіи православной: они брали на откупъ православныя церкви, назначали таксу за каждое Богослуженіе, обложили податями крестины, браки, погребеніе, установили, такъ

называемый пасочный сборъ, т. е. требовали, чтобы православные покупали у нихъ къ празднику пасхи — столько пасхальныхъ хлѣбовъ, сколько было въ семьѣ душъ, не исключая даже и дѣтей. Цѣну на хлѣбъ назначали, конечно произвольную и, разумѣется, большую.

Кромѣ всего этого, жиды, желая угодить полякамъ, вмѣстѣ съ ними издѣвались надъ православной вѣрой, ругались надъ священниками.

Нерѣдко толпа пьяныхъ шляхтичей какого-нибудь богатаго пана врывалась въ церковь или монастырь, безчинствовала, грабила, подвергала монаховъ и священниковъ позорнымъ мученіямъ, принуждая ихъ принять Унію. Все это сходило имъ съ рукъ безнаказанно. Польское правительство и законъ не обращали никакого вниманія на эти наглости; бѣдный народъ стоналъ въ изнеможеніи и терпѣливо несъ свой крестъ! Одинъ современникъ (Бопланъ), описывая это время, говоритъ: крестьяне мучатся въ Польшѣ, какъ въ чистилищѣ, а паны ихъ блаженствуютъ, какъ въ раю. Вслѣдствіе такихъ угнетеній народъ чрезвычайно обѣднѣлъ. Польское правитель-

ство начало раздавать на Украйнѣ земли панамъ и шляхтѣ а жившихъ на этихъ земляхъ вольныхъ казаковъ закрѣпляло за панами и дѣлало полными ихъ рабами. Не вытерпѣло воинственное населеніе, утомленное попраніемъ всего святого и человѣческаго, не захотѣло оно покориться одной участи съ участью польскихъ хлоповъ. Встала вся Украйна противъ поляковъ и жидовъ и начался рядъ кровопролитныхъ войнъ! Къ украинскимъ казакамъ присоединились и запорожцы.

Сначала полякамъ удавалось усмирять эти возстанія, подвергая предводителей мучительнымъ казнямъ. Такъ гетманъ Наливайко былъ изжаренъ въ мѣдномъ быкѣ, съ другого предводителя возстанія, Павлюка, съ живого содрали кожу. Но когда мстителемъ, въ это тяжкое для народа время, явился Богданъ Хмельницкій воодушевленный пламенной любовію къ Украйнѣ, тогда дѣла приняли другой плачевный оборотъ для поляковъ. Само провидѣніе, казалось, руководило, храброй, мощной рукой Богдана. Всѣ обстоятельства сложились въ пользу казаковъ: Владиславъ, недовольный самовольемъ поляковъ и зная, сколько мученій и жгучаго горя натерпѣлись они отъ па-

новъ, съумѣлъ склонить Богдана на свою сторону. Онъ послалъ казакамъ милостивую грамоту, позволилъ имъ самимъ выбирать себѣ начальниковъ, имѣть свой судъ, увеличить войско вдвое больше прежняго, и много другихъ льготъ далъ онъ еще казакамъ. Грамота эта была отдана казацкому полковнику Барабашу, да войсковому писарю Богдану Хмельницкому, но до поры до времени приказано держать ее въ тайнѣ.

Догадались польскіе паны, что черная туча собирается надъ ихъ головами и стали еще безбожнѣе обращаться и притѣснять крестьянъ: они разставили по Украйнѣ свое войско, которое безнаказанно забирало у жителей провіантъ для себя и фуражъ для лошадей; а замѣчая, что крестьяне стали безпокоиться и приготовляться къ войнѣ, начали выдумывать для нихъ новыя, самыя безчеловѣчныя мученія и пытки. Да и самъ Богданъ получилъ жестокую, кровную обиду отъ Чигиринскаго подстаросты пана Чаплынскаго. Дѣло было вотъ въ чемъ: понравился Чаплынскому хуторъ Субботовъ, онъ хотѣлъ купить его у Богдана, но Богданъ не продалъ. Тогда Чаплынскій съ толпою слугъ напалъ на хуторъ,

завладѣлъ имъ силой, увезъ его жену и засѣкъ до смерти меньшого его сына. Хмельницкій, въ это время былъ въ отсутствіи; вернувшись въ Субботово и узнавъ о дерзости Чаплынскаго Богданъ поскакалъ въ Чигиринъ къ старостѣ Конецпольскому съ жалобой, но удовлетворенія на свою обиду не получилъ; тогда онъ жаловался въ судъ, но и въ судѣ не сказали ему ничего утѣшительнаго. Взбѣшенный подобной несправедливостью, Богданъ публично крикнулъ: „Еще казацкая мать не умерла, не все и Чаплынскій забралъ, когда еще есть сабля въ рукахъ!“ За это его схватили и посадили въ тюрьму, а другого сына его Тимофея высѣкли публично на Чигиринской площади. Въ тюрьмѣ Богданъ просидѣлъ не долго, жена Чаплынскаго выхлопотала ему свободу. Выйдя изъ тюрьмы, Хмельницкій отправился въ Варшаву, въ надеждѣ получить удовлетворенію отъ Варшавскаго Сената за полученную имъ обиду; но и Сенатъ не защитилъ его.

Тогда Богдану осталось только одно: просить короля. Владиславъ хотя и сознавалъ, что Богданъ былъ правъ и желалъ ему помочь, но, не имѣя почтинъ никакой власти, о

ничего не могъ сдѣлать въ пользу Богдана, а только сказалъ: „пора бы вамъ казакамъ вспомнить что вы воины и что у васъ есть сабли. Если васъ обижаютъ, такъ зачѣмъ вы поддаетесь и не постоите за себя?“. Этотъ отвѣтъ сильно подѣйствовалъ на впечатлительную натуру Богдана. Минута мщенія настала. Хмельницкій поклялся, во что бы то ни стало, доказать полякамъ, что его обижать безнаказанно нельзя и отправился домой добывать правду силой. На обратномъ пути изъ Варшавы въ Украйну, въ каждомъ селѣ, гдѣ приходилось останавливаться Богдану, онъ вездѣ подымалъ народъ возстать на поляковъ; онъ разсказалъ о своей сильной обидѣ, о томъ, какъ онъ нигдѣ не нашелъ суда, прислушивался къ народнымъ толкамъ, вывѣдывалъ, хочетъ ли народъ возстать на поляковъ и убѣдился, что народъ по первому зову готовъ единодушно возстать на своихъ притѣснителей. Вернувшись домой, Богданъ собралъ на совѣтъ самыхъ дѣльныхъ, храбрыхъ, преданныхъ Украйнѣ казаковъ; они собрались въ лѣсу и началось совѣщаніе. Сильна, увлекательна была рѣчь Богдана. Не могъ онъ простить Чаплынскому смерть своего сына, по-

кражу своей жены; онъ передалъ казакамъ отвѣтъ Владислава, показалъ онъ королевскую грамоту, которую удалось ему утащить у Барабаша, напоивши его пьянымъ; прибавилъ при этомъ, что на обратномъ пути изъ Варшавы онъ заѣзжалъ въ Кіевъ къ митрополиту, и что владыка благословляетъ казаковъ на „святое дѣло", и заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что русскій народъ отъ однихъ только казаковъ ожидаетъ своего спасенія.

Съ восторгомъ выслушали рѣчь Богдана, посѣдѣвшіе въ бояхъ, казаки, и въ одинъ голосъ поклялись умереть за вѣру и за родную Украйну, отмстить полякамъ за всѣ обиды и оскорбленія: и немедленно стали готовиться къ походу.

Со всѣхъ сторонъ стали стекаться къ Богдану недовольные, жаждавшіе сбросить съ себя польское иго и выбрали Богдана своимъ гетманомъ. Число казаковъ вскорѣ достигло до сорока тысячъ человѣкъ, но осторожный Хмельницкій не надѣялся однакожъ, безъ посторонней помощи, одолѣть поляковъ, потому что ихъ было много. Приготовивши возстаніе на Украйнѣ, Богданъ поѣхалъ въ Сѣчь къ Запорожцамъ, взявши съ собой королевскую

грамоту. Ему не стоило особеннаго труда уговорить этихъ отчаянныхъ молодцовъ, всегда готовыхъ къ походу, жившихъ и дышавшихъ войной. Они дали слово Богдану помочь ему въ войнѣ съ поляками и стали собираться въ походъ.

Изъ Сѣчи Богданъ поѣхалъ въ Бахчисарай, къ крымскому хану, чтобы и его подбить на поляковъ. Разсчетливый, хитрый Ханъ долго не рѣшался, помочь ли Богдану, или нѣтъ? Съ одной стороны онъ былъ очень недоволенъ поляками, переставшими платить ему дань, съ другой стороны, онъ боялся обмана со стороны Богдана, такъ - какъ казаки до этого времени постоянно воевали съ татарами; но когда Богданъ предложилъ хану дать ему въ залогъ своего любимаго сына Тимофея, тогда ханъ съ радостью рѣшилъ помочь казакамъ и приказалъ татарскому князю Тугай-Бею съ четырьмя тысячами татаръ идти съ Хмельницкимъ противъ поляковъ. Изъ Крыма Богданъ заѣхалъ опять къ запорожцамъ, они собрали раду (народное собраніе), выбрали Хмельницкаго своимъ гетманомъ и дали ему восемь тысячъ казаковъ. Счастливый и довольный своимъ успѣхомъ, вернулся Богданъ

на родину съ двѣнадцатитысячнымъ союзнымъ войскомъ и сталъ готовиться къ войнѣ.

Малороссійскія лѣтописи повѣствуютъ, что король Владиславъ, предчувствуя и ожидая съ минуты на минуту возстанія казаковъ, назначилъ въ концѣ 1647 года надъ ними гетманомъ своего любимца Барабаша; но такъ какъ народъ и казаки выбрали себѣ гетманомъ Богдана, то Барабашъ выступилъ противъ Хмельницкаго, и 5-го апрѣля 1648 года, при Желтыхъ-Водахъ былъ разбитъ соединенными силами украинцевъ, запорожцевъ и татаръ, подъ личнымъ предводительствомъ Богдана. Войско Барабаша, проигравъ сраженіе, было такъ недовольно Барабашемъ, что лишило его жизни, а само перешло подъ знамена Хмельницкаго. Раздѣлавшись съ Барабашемъ, Богданъ, вслѣдъ за этимъ, разбилъ передовой отрядъ, подъ начальствомъ сына коронного польскаго гетмана Стефана Потоцкаго. Самъ Потоцкій былъ убитъ въ этомъ сраженіе, множество плѣнныхъ и всѣ пушки были взяты. Въ числѣ плѣнныхъ находились: Сапѣга, Шембергъ и Иванъ Виговскій, тотъ самый Виговскій, который впослѣдствіи съумѣлъ пріобрѣсть себѣ довѣренность и любовь Богдана,

и послѣ его смерти былъ гетманомъ. Преслѣдуя разбитаго непріятеля, Богданъ двинулся далѣе и 16-го мая встрѣтился съ главной польской ратью около Корсуня, бывшей подъ начальствомъ гетмановъ: стараго Потоцкаго и Калиновскаго. Поляки никакъ не ожидали, чтобы ихъ передовой отрядъ былъ разбитъ Хмельницкимъ, а потому спокойно веселились, пировали. Какъ громомъ были они поражены, какъ вдругъ передъ ихъ глазами, точно изъ земли выскочивъ, явились казаки и татары. Въ польскомъ лагерѣ произошелъ безпорядокъ: начальство ссорилось и упрекало другъ друга въ безпечности. Богданъ воспользовался такой неурядицей поляковъ, бросился на нихъ, не теряя счастливой минуты, и все польское войско разбѣжалось въ стороны. Казакамъ въ этотъ разъ досталась огромная добыча, каждый казакъ изъ бѣдняка сдѣлался богачемъ. Поляки же потеряли много: кромѣ нѣсколькихъ тысячъ простыхъ солдатъ, много польскихъ начальниковъ, и оба гетмана попались въ плѣнъ. Богданъ въ видѣ награды подарилъ всѣхъ плѣнныхъ Тугай-Бею, который за выкупъ одного Синявскаго получилъ двадцать тысячъ червонцевъ. Эти двѣ, одна

за другой, побѣды, благотворно подѣйствовали на нравственный духъ казаковъ; почувствовали теперь эти ордята свою силу и мощно взмахнули крыльями, а поляки, напротивъ, окончательно были убиты неудачами и страшно струсили.

Взволновалась вся Украйна, Волынь и Подолъ. Тысячи русскаго народа собирались вмѣстѣ и летѣли очищать русскую землю отъ поляковъ и жидовъ. Озлобленныя шайки ходили по городамъ и селамъ и безчеловѣчно истребляли своихъ притѣснителей, и богатства ихъ забирали себѣ. Это и было время страшнаго возмездія! Русскій народъ не щадилъ ни одного поляка, уніата, а въ особенности жида, уничтожалъ ихъ, какъ придется, рѣзалъ, вѣшалъ, топилъ, распиливалъ пополамъ, буравилъ глаза, съ живыхъ сдиралъ кожу. Польскіе монастыри и костелы разорялъ до тла, а ксендзевъ и монаховъ мучилъ до смерти. Образа католическіе рубилъ и кололъ, въ алтаряхъ кормилъ лошадей. Ненависть ко всему польскому, а въ особенности жидовскому, была такъ велика въ народѣ, что гибли многіе изъ православныхъ за то только, что, подражая модѣ, носили польское платье или

говорили польскимъ языкомъ. Но больше всего доставалось жидамъ, потому что отъ жидовъ-арендаторовъ больше всего и терпѣлъ бѣдный народъ. Жидовъ побивали цѣлыми тысячами, въ Южной Россіи не осталось почти ни одного жида: не считая пропавшихъ съ голода или потонувшихъ въ водѣ, однихъ перерѣзанныхъ жидовъ было тысячъ сто. Правда жестоко мстили крестьяне, но вѣдь это, какъ говоритъ русская пословица, „долгъ платежемъ красенъ". Вотъ, для примѣра, два случая изъ громадной кровавой драмы того ужаснаго времени.

Однажды казаки напали на замокъ, въ которомъ заперлись поляки и жиды. Не видя надежды на спасенье, поляки стали просить пощады и предлагали за себя выкупъ.

— „Васъ мы пощидимъ, если заплатите намъ, но жидовъ ни за какія деньги мы не помилуемъ, они наши заклятые враги, они оскорбили нашу вѣру, они поругались надъ нашими святыми чувствами. Мы поклялись истребить все ихъ племя; выгоните ихъ отъ себя прочь и не будьте съ ними въ согласіи." Жиды были выгнаны и всѣ (около трехъ тысячъ) погибли въ страшныхъ мученіяхъ.

Въ другой разъ шайка крестьянъ, ворвавшись въ костелъ, повѣсила надъ алтаремъ ксендза собаку и жида и написали: — „ксендзъ, жидъ и собака — все вѣра одинака!“

Ограбивъ и предавъ огню польскую усадьбу, толпа выкатывала изъ панскаго погреба бонки съ виномъ, пировала, пѣла пѣсни, плясала на пожарищѣ среди разбросанныхъ труповъ своихъ притѣснителей.

Да, ужасное время было! Сборищъ было множество; мятежъ распространился по всѣмъ русскимъ областямъ, вошедшимъ въ составъ Польши. Даже въ далекой Литвѣ крестьяне поднялись на пановъ-поляковъ. Спасая свою жизнь отъ озлобленныхъ казаковъ и крестьянъ, польскіе паны принуждены были бѣжать. Нѣкоторые же, болѣе сильные и отважные, собравши вооруженные отряды, отплачивали крестьянамъ подобными жестокостями. Изъ нихъ особенно прославился своимъ варварствомъ князь Іеремія Вишневецкій, недавно обратившись въ католичество, онъ съ яростью ренегата рубилъ возмутившихся, будто-бы, по его мнѣнію, безъ всякихъ причинъ, крестьянъ.

— „Мучьте ихъ такъ, чтобы они чувство-

вали, какъ умираютъ!" кричалъ онъ въ какомъ-то изступленіи палачамъ.

Вотъ уже болѣе двухсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а между тѣмъ, страшная эпоха возстанія казаковъ сохранилась свѣжо въ преданіи Малороссійскаго народа.

Послѣ Корсунской побѣды, Хмельницкій отправилъ къ Владиславу письмо, въ которомъ увѣрялъ его въ своей вѣрноподданной преданности, просилъ у него прощенія за то, что поднялъ оружіе противъ поляковъ, извиняя свое самоволье неслыханными притѣсненіями, которыя терпитъ народъ отъ польскихъ пановъ, начальства и жидовъ. Обѣщалъ служить ему вѣрой и правдой, если онъ утвердитъ прежнія казацкія права.

Энгель въ своей исторіи Украйны, увѣряетъ, что къ этому письму крымскій ханъ приложилъ и свою записку слѣдующаго содержанія: „Подумайте сами, до чего довело васъ высокомѣріе и ожидайте насъ скоро въ Варшавѣ и Краковѣ!" Хотя это письмо, отосланное королю въ началѣ іюня, уже не застало его въ живыхъ, (Владиславъ скончался въ Меречѣ 10-го мая 1648 года) но отвѣтъ на это письмо Богданъ все-таки получилъ отъ

сенатора Бранцлавскаго воеводы Адама Киселя, который, будучи православнымъ и сочувствуя малороссійскому народу, желалъ примирить его съ поляками.

Онъ, увѣдомляя Богдана о смерти короля, описывалъ самыми яркими красками ужасную картину междоусобной войны, совѣтывалъ оставаться въ покоѣ и прислать къ нему депутатовъ для заявленія своихъ жалобъ, которыя онъ, по обязанности воеводы, обѣщалъ разрѣшать по справедливости.

Хмельницкій послушался его совѣта: отпустилъ татаръ и запорожцевъ, а съ своими украинцами вернулся домой и оставался въ покоѣ. Казалось, настала минута, когда и поляки и казаки могли бы отдохнуть, но это перемиріе было очень кратковременно, князь Вишневецкій снова поднялъ оружіе противъ казаковъ и война закипѣла яростнѣе прежняго.

Богданъ, не желая возстановлять противъ себя поляковъ, не принялъ начальства надъ всѣми казаками и не повелъ ихъ самъ на поляковъ, а поручилъ это дѣло, извѣстному своею храбростью, казацкому полковнику Максиму Кривоносу, давъ ему только небольшой отрядъ. Кривоносъ началъ съ того, что разо-

рилъ до тла всѣ помѣстья внуковъ Вишневецкаго и перерубилъ болѣе пятнадцати тысянъ жидовъ и поляковъ. Вишневецкій въ отмщеніе за это, вѣшалъ всѣхъ, попадавшихся ему въ плѣнъ казаковъ. Въ Немировѣ онъ приказалъ сажать на колъ и вырывать глаза всѣмъ подозрѣваемымъ въ участіи съ казаками.

Богданъ, при всемъ желаніи выполнить данное полякамъ обѣщаніе и оставить ихъ въ покоѣ, не могъ удержать ожесточенный народъ отъ опустошенія польскихъ владѣній, которое произвели крестьяне подъ предводительствомъ полковниковъ Остапа и Ганжи. Юзефовичъ удостовѣряетъ, что тѣла убитыхъ ксендзовъ, пановъ и жидовъ бросались на съѣденіе собакамъ. Князю Четвертинскому отрубилъ голову его собственный мельникъ, а красавицей его женой завладѣлъ Остапъ.

Слухъ о прибытіи польскихъ коммисаровъ прекратилъ на время обоюдное кровопролитіе. Предводитель Посольства Адамъ Кисель явился къ Богдану и предложилъ ему слѣдующія статьи:

1) Освободить немедленно изъ плѣна всѣхъ польскихъ дворянъ.

2) Не соединяться съ татарами и снова

присягнуть польской республикѣ въ вѣрности.

3) Кудаку (островъ на Днѣпрѣ) оставаться въ прежнемъ его положеніи.

4) Зачинщиковъ бунта немедленно выдать для отправленія ихъ въ Варшаву.

5) Возвратить письмо короля Владислава, писанное имъ къ Барабашу,—и

6) Чтобы привилегіи и права казацкія были опредѣлены особенной, для этого назначенной, комиссіей.

Чтобы придать больше силы своему требованію, Сеймъ выставилъ противъ казаковъ войско, состоящее, по словамъ Каховскаго, изъ тридцати тысячъ, а г-нъ Туманскій въ своей лѣтописи увѣряетъ, что польская армія состояла изъ шестидесяти тысячъ кромѣ вооруженныхъ слугъ. Предводителями ея были: князь Островскій, князь Вишневецкій, Конецпольскій и Остророгъ. Польская армія расположилась лагеремъ при рѣчкѣ Пилявкѣ. Взглянувъ на это войско, можно было подумать, что оно пріѣхало на пиръ, а не на смертный бой. Золото, серебро, драгоцѣнные камни, драгоцѣнное оружіе, шелкъ, бархатъ, персидскіе ковры такъ и бросались въ глаза. Отъ утра до поздней ночи гремѣла музыка, пѣсни под-

гулявшихъ пановъ и шляхты далеко раздавались за Пилявкой. Веселились поляки, да хвастались, что разгонятъ казаковъ плетьми; они настолько богатѣли думкой, что сложили даже слѣдующую молитву:

— „Не помогай Боже ни намъ, ни казакамъ, а только смотри, какъ мы раздѣлаемся съ этимъ мужичьемъ!“

Но гордая ихъ молитва была противна Богу. Онъ помогъ казакамъ. Адамъ Кисель, не желая допустить до сраженья, велъ съ Богданомъ переговоры, но не имѣлъ успѣха. Да иначе и быть не могло. Развѣ могли казаки-побѣдители согласиться на подобныя невыгодныя предложенія побѣжденныхъ ими поляковъ? Да и самъ Богданъ не былъ такой простакъ, чтобы довѣриться полякамъ и отдаться въ ихъ руки; онъ не хотѣлъ окончить свою жизнь, подобно Наливайкѣ и Подковѣ, а потому наотрѣзъ отказалъ Киселю принять условія Сейма, послалъ къ крымскому хану за помощью и сталъ собираться къ войнѣ. Вишневецкій совѣтывалъ Острожскому немедленно напасть на казаковъ, не дожидаясь пока прійдутъ къ нимъ на помощь татары, а Кисель, напротивъ того, совѣтывалъ ему вступить съ

Богданомъ въ переговоры и стараться окончить дѣло безъ пролитія крови. Между тѣмъ, татары подоспѣли уже на помощь казакамъ, хотя казаки, еще до ихъ прибытія, успѣли завладѣть двумя польскими замками и укрѣпиться за болотами рѣки Пилявки, но Богдана очи повеселѣли, когда онъ увидѣлъ татарское войско около себя. Опоздай татары,— кто знаетъ, чѣмъ бы окончилась битва подъ Пилявкой? Двое сутокъ бились казаки и татары съ поляками. Въ ночь на вторые сутки въ польскомъ лагерѣ распространился слухъ, что самъ ханъ съ многочисленнымъ войскомъ идетъ на помощь къ Богдану и произвелъ такой ужасъ, что главнокомандующій князь Острожскій, не зная самъ, что ему дѣлать, собралъ 29-го сентября военный совѣтъ, который рѣшилъ, что для сбереженія арміи необходимо отступить къ Константинову. Главнокомандующій приказалъ отступать, но это было не отступленье, а постыдное бѣгство: все войско бросилось бѣжать съ такой поспѣшностью, что весь обозъ, состоящій изъ ста тысячъ возовъ польскаго добра, достался казакамъ и татарамъ, а вина, пива и меду было столько, что не знали куда и дѣвать! (Будь

это въ наше время, то, конечно, нашли бы исходъ, куда пошелъ бы излишекъ военныхъ трофеевъ: явился бы, непремѣнно, какой-нибудь услужливый Мойше или Аврумъ и по выгодной, конечно только для себя, цѣнѣ купилъ бы и вино, и пиво, и медъ! Но тогда были другіе времена и другіе нравы, тогда Аврумъ и Мойше ни за какія сокровища Ротшильда не осмѣлились бы явиться къ Богдану съ предложеніемъ своихъ услугъ).

Хмельницкій, разбивъ поляковъ при Пилявкѣ, дождался хана и вмѣстѣ съ нимъ взялъ семьсотъ тысячъ гульденовъ контрибуціи съ гор. Львова и осадилъ Замосць. Въ это время Сеймъ назначилъ Вишневецкаго главнокомандующимъ вмѣсто князя Острожскаго; это новое назначеніе оскорбило Богдана, потому что Вишневецкій былъ его личный, непримиримый врагъ, а потому Богданъ всѣми силами старался помочь Яну Казимиру, тоже ненавидѣвшему Вишневецкаго, вступить на польскій престолъ. На избирательномъ сеймѣ казацкіе послы требовали назначенія королемъ Яна Казимира, въ противномъ случаѣ угрожали продолжать войну. Эти угрозы, въ такую кри-

тическую минуту для Польши, заставили поляковъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, предложить Казиміру польскую корону. Объ Казиміръ между казаками шла добрая молва: говорили, что онъ справедливъ, милостивъ, не любитъ проливать крови и желаетъ избавить русскій народъ отъ насилій пановъ и ксендзовъ. Янъ Казиміръ, вступивъ на престолъ, приказалъ Богдану окончить войну, идти домой и ожидать королевскихъ пословъ, чтобы постановить съ ними мирный договоръ.

Богданъ, мстя полякамъ за всѣ ихъ обиды, не думалъ однакожъ ослушиваться королевской власти, а потому исполнилъ приказаніе короля и сталъ возвращаться домой. Это было въ концѣ ноября 1648-го года. Торжественно и чудно было возвращеніе Хмельницкаго на родину: вездѣ народъ встрѣчалъ его, какъ своего избавителя, но особенно радушно встрѣтили его Кіевлянѣ. Іерусалимскій патріархъ Паисій, проживавшій въ это время въ Кіевѣ, все кіевское духовенство, весь народъ вышелъ за городъ навстрѣчу Богдану; громъ пушекъ, звонъ колоколовъ, радостный кликъ народа провожалъ его и храброе его казаче-

ство черезъ Ярославовы золотыя ворота до Софіевскаго собора, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ Царю Царствующихъ за дарованныя казакамъ побѣды. Даже въ его имени видѣли хорошее предзнаменованіе, говорили, что онъ истинный Богданъ, т. е. Богомъ данный.

Прійдя въ Переяславль, Богданъ нашелъ свою жену, съ которой такъ варварски поступилъ Чаплынскій, и, одержавши столько побѣдъ, Богданъ былъ теперь совершенно счастливъ; онъ обладалъ вновь любимой женщиной. Народъ благославлялъ его, сосѣдніе владѣтели искали его дружбы; къ нему пріѣхали съ поздравленіями послы венгерскаго князя, государей Валахіи и Молдавіи, царя Алексѣя Михайловича и даже гордаго и могущественнаго турецкаго султана, который прислалъ Богдану въ подарокъ богатую саблю, кафтанъ и булаву, и приказалъ крымскому хану и силистрійскому пашѣ по первому требованію Богдана, помогать ему войсками. Вотъ какихъ почестей дослужился сынъ бѣднаго казачьяго сотника!! Тотъ, кому еще такъ недавно негдѣ было головы преклонить,

теперь былъ окруженъ царскими почестями. Но самая торжественная минута въ жизни Богдана, это былъ пріѣздъ къ нему польскихъ пословъ. Въ февралѣ 1649 года въ Переяславлѣ, при громѣ пушекъ, среди всего казачества, сіяющаго радостью за своего обожаемаго батьку, принималъ Богданъ пословъ Яна Казимира. Они вручили ему отъ имени короля гетманскія клейноды, т. - е. осыпанную сапфирами булаву, красное знамя съ бѣлымъ орломъ и вензелемъ Яна Казиміра и грамоту на гетманское достоинство. Но не возгордилась отъ подобной славы великая душа Богдана, онъ, какъ и прежде, цѣловался, шутилъ и чокался по-братски съ казацкими полковниками, самъ подносилъ имъ въ золотой чаркѣ и подчивалъ простой горѣлкой, а жена его, разодѣтая, сіяющая драгоцѣнными каменьями, растирала своими руками въ черепкѣ табакъ и набивала трубки своимъ гостямъ. День за днемъ шли пиры и веселье у Богдана: онъ и былъ всегда щедрый на угощенья, а теперь тѣмъ болѣе, празднуя возвращеніе своей жены и вниманіе коронованныхъ особъ, онъ не щадилъ расходовъ на угощеніе такихъ дорогихъ гостей, какими бы-

ли для него королевскіе послы. Среди ежедневныхъ празднествъ и угощеній, Богданъ одаренный богатыми дипломатическими способностями, велъ серьезные переговоры съ послами. Послы обѣщали казакамъ разныя льготы, но требовали, чтобы крестьяне вернулись къ своимъ помѣщикамъ. Такое требованіе, въ настоящую пору, было немыслимо, потому что народъ домогался полной воли, а иначе нечего было и думать о мирѣ. А потому Богданъ поставилъ слѣдующія свои условія:

1) Возстановить всѣ прежнія права и преимущества.

2) Выгнать изъ Украйны всѣхъ іезуитовъ и жидовъ.

3) Увеличить казачье войско до сорока тысячъ.

4) Выдать Чаплынскаго и

5) Удалить князя Вишневецкаго отъ начальствованія надъ польской арміей.

Послы, на эти требованія Богдана отвѣчали уклончиво, двухсмысленно и вообще, мало подавали надежды; это такъ сердило

Богдана, что онъ перемѣнилъ любезное свое обращеніе съ ними, а когда бывалъ подъ хмелькомъ, то даже бранилъ ихъ, а иногда до того выходилъ изъ себя, что обѣщалъ перевернуть всѣхъ поляковъ вверхъ ногами и отдать туркамъ за то, что они не даютъ никакой воли своему королю, и клялся, что вырветъ изъ польской неволи весь русскій народъ.

Какъ ни старался поладить съ Богданомъ гласный депутатъ посольства Кисель, какъ не желалъ сойтись съ нимъ на обоюдно выгодныхъ условіяхъ для заключенія мира, но ничего не могъ сдѣлать съ настойчивымъ характеромъ Богдана, ему едва удалось вымолить перемиріе до Троицына дня. Богданъ отлично понималъ, что онъ страшенъ и силенъ полякамъ только возстаніемъ народнымъ, а потому требовалъ отъ пословъ, чтобы воля, освобожденнаго имъ народа, была свято исполнена, чтобы народъ получилъ полную свободу, полную независимость. Тогда послы, видя, что ничего нельзя сдѣлать съ Богданомъ, не знали, съ какой стороны подступить къ нему и, не сдѣлавъ ничего, уѣхали къ

королю и были очень рады, что убрались по добру по здорову.

Вотъ чѣмъ кончилось незаконное требованіе поляковъ, которые хотѣли вернуть русскій народъ подъ крѣпкую руку пановъ.

Выпроводивъ такъ нелюбезно пословъ, Богданъ сталъ готовиться къ новой войнѣ, которая началась небольшими стычками передовыхъ отрядовъ въ началѣ іюля. Самъ Хмельницкій принялъ начальство надъ войскомъ, къ нему подоспѣлъ на помощь крымскій ханъ Исламъ Гирей, и обѣ арміи, соединившись, двинулись навстрѣчу полякамъ. Они такъ удачно окружили подъ Зборовымъ польское войско, прекративъ всякое сообщеніе къ ихъ лагерю, что у поляковъ появился голодъ; не только солдаты, но и начальники вынуждены были ѣсть лошадей, собакъ и даже похлебку изъ крысъ. Въ этотъ разъ нельзя не отдать полякамъ справедливости, какъ за ихъ храбрость, такъ и за ихъ стойкость и терпѣніе; поджидая короля съ главной арміей, они выдержали подъ Зборовымъ, въ продолженіи семи недѣль, 17 казачьихъ приступовъ и даже сами два раза дѣлали вылазку, желая

выскочить изъ засады, но ничего не могли сдѣлать, потому что ихъ было гораздо меньше, нежели казаковъ съ татарами. Плохо пришлось полякамъ: изъ двухъ золъ они должны были выбрать меньшее, т. е. сдаться, потому что иначе приходилось умирать съ голоду. Но Казиміръ поспѣшилъ къ нимъ на помощь съ 20-ю тысячами отборнаго войска. Казаки, какъ львы бросились на него въ атаку, а татары заграбили весь польскій обозъ и произвели такой безпорядокъ, что Казиміръ долженъ былъ отступить и укрѣпиться за окопами. Два дня продолжался смертный бой! Казиміръ, не щадя жизни, впереди всѣхъ летала на конѣ, ободрялъ солдатъ своею храбростью, самъ дрался, какъ простой солдатъ, своими руками хваталъ за уздечки лошадей, оборачивалъ ихъ и подгонялъ впередъ. Но ничего не помогало, трудно было Казиміру поддержать нравственный духъ своего войска. На третій день, послѣ ужаснаго, адскаго боя, казаки и татары окружили со всѣхъ сторонъ поляковъ, изъ которыхъ 5 тысячъ легло на полѣ битвы. Видя, что нѣтъ возможности прорваться чрезъ непріятеля и уйти, Казиміръ пустился на хитрость: онъ подослалъ къ крым-

скому хану переговорщика, задобрилъ его и вступилъ съ нимъ въ переговоры, ханъ требовалъ денегъ, Казиміръ обѣщалъ ежегодно присылать ему въ Бахчисарай по девяносто тысячъ золотыхъ, а теперь заплатить ему 180 тысячъ золотыхъ. Кромѣ этого, ханъ требовалъ отъ короля, чтобы онъ немедленно помирился съ Богданомъ и принялъ какъ его, такъ и все казацкое войско въ свою прежнюю милость, простилъ-бы и забылъ казакамъ ихъ неповиновеніе и не смѣлъ никогда мстить имъ. Хотя Богдану крайне непріятна была подобная непрошенная услуга хана, хотя онъ могъ воспользоваться для себя болѣе выгодными условіями отъ поляковъ, но онъ долженъ былъ согласиться и помириться на томъ, что выговорилъ для него ханъ у Казиміра.

Богданъ, зная двуличный характеръ хана, разсчиталъ такъ: что если онъ его не послушается, то пожалуй, ханъ готовъ перейти на сторону поляковъ и тогда, конечно, могло быть плохо Богдану. Этимъ только можно и объяснить причину, почему Богданъ согласился, примириться съ Казиміромъ. 15-го августа миръ былъ заключенъ на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ:

1) Казакамъ дозволено держать сорокъ тысячъ войска; всѣ же тѣ, которые не войдутъ въ составъ войска должны будутъ отбывать панщину по прежнему.

2) Городу Чигирину всегда оставаться при булавѣ Запорожскаго войска, т. е. на будущія времена гетманъ Запорожскаго войска долженъ выбираться изъ Чигиринскаго полка.

3) Кіевскому митрополиту рѣшить дѣло съ панами объ Уніи—какъ ей быть, и предоставить ему присутствовать въ Варшавскомъ Сенатѣ.

4) Никто изъ помѣщиковъ не долженъ мстить своимъ крестьянамъ, которые служили во время войны, и

5) Польскому войску и жидамъ, ни подъ какимъ предлогомъ, въ казачьихъ селеніяхъ не селиться.

Всѣ эти статьи должны быть утверждены Варшавскимъ Сенатомъ и подписаны Королемъ 20 января 1650 г., а Богданомъ—въ Кіевѣ 7-го марта въ присутствіи воеводы Киселя и укрѣплены на вѣчныя времена.

Вернувшись въ Украйну, Хмельницкій, желая породниться съ молдавскимъ господа-

ремъ Лупуломъ, просилъ черезъ турецкаго султана, руки его дочери для своего сына Тимофея. Честолюбивый господарь отказалъ. Обидѣлся Богданъ незаслуженному отказу его любимцу. Развѣ его молодцоватый Тимофей былъ не пара дочкѣ молдавскаго господаря? развѣ въ сущности Богданъ не былъ такимъ же господаремъ Украйны? Слѣдствіемъ этого отказа было совершенное опустошеніе Молдавіи 16-ти тысячнымъ казачьимъ и 20-ти тысячнымъ татарскимъ отрядомъ подъ начальствомъ полковниковъ: Носача, Пушкаря и Дорошенки. Лупулъ бѣжалъ въ Хотинъ и заплатилъ Богдану, вмѣсто приданнаго, 600,000 талеровъ штрафу.

Между тѣмъ Зборовскій договоръ не угодилъ ни полякамъ, ни казакамъ. Поляки считали для себя унизительнымъ, казаки-же отказались служить панамъ. Зашумѣли опять народныя шайки, опять пошли грабежи, пожары, убійства.

Богданъ, не желая нарушать договоръ и вооружать противъ себя Кизиміра, старался потушить народное возстаніе, но ничего не могъ сдѣлать, воля народа великое дѣло. Ни

увѣщанія, ни строгія мѣры и наказанія не унимали народъ. Разсерженный неповиновеніемъ, Богданъ приказалъ казнить виновныхъ— но и казни не помогали. Тогда онъ понялъ, что не долго существовать Зборовскому договору, и сталъ готовиться къ новой войнѣ. А между прочимъ, народъ роптал на Хмельницкаго. Его, до сихъ поръ дорогое для всѣхъ имя, многіе стали произносить съ бранью, съ проклятіемъ. Быть можетъ это было одно только нехорошее дѣло, которое взялъ на свою совѣсть Богданъ, но оно было вызвано силою обстоятельствъ. Вѣроятно и самъ Богданъ каялся послѣ, что слишкомъ круто поступилъ съ народомъ.

Недопущеніе на Сеймъ Кіевскаго Митрополита (на что владыка имѣлъ полное право въ силу Зборовскаго договора), было главнымъ поводомъ къ неудовольствію со стороны Богдана; не нравилось ему также, что Казиміръ оставилъ въ Каменецъ-Подольскѣ цѣлый наблюдательный корпусъ, подъ начальствомъ Потоцкаго, чтобы онъ слѣдилъ за его гетманскими поступками. Казиміру же не нравились частныя сношенія Богдана съ султа-

номъ и ханомъ, самовольный походъ казаковъ въ Молдавію, но болѣе всего Казиміръ не могъ забыть казакамъ, что они вынудили его заключить съ ними, такой постыдный для поляковъ, Зборовскій міръ. Сначала между королемъ и гетманомъ явилась холодность, а немного спустя и открытая вражда.

Война была рѣшена; приготовленія съ обѣихъ сторонъ дѣлались громадныя. Казиміръ приказалъ готовиться къ походу не только наемнымъ жолнерамъ, но и всему Посполитому Рушенію (т. - е., поголовное ополченіе). Богданъ же, укрѣпивъ нѣкоторые города, увеличилъ число людей въ полкахъ, послалъ за помощью въ Крымъ и въ Турцію, и приказалъ полковнику Нечаю выступить къ Красному съ передовымъ отрядомъ.

Нечай былъ храбрый и дѣльный полководецъ, но любилъ сильно выпить. Съ похмелья ли, или вслѣдствіе какой-то оплошности, онъ былъ съ своимъ трехтысячнымъ отрядомъ отрѣзанъ отъ главной казачьей арміи и окруженъ со всѣхъ сторонъ поляками, подъ предводительствомъ короннаго Гетмана Калиновскаго. Это было въ мартѣ 1651 года. Казаки

были совершенно разбиты и самъ Нечай убитъ. Вскорѣ послѣ этого, Калиновскій вступилъ въ битву съ другимъ казачьимъ отрядомъ, стоявшимъ подъ Винницей, при рѣкѣ Бугѣ; тутъ, однакожъ, счастье измѣнило ему. Тутъ онъ имѣлъ дѣло съ осторожнымъ и хитрымъ Богуномъ. При приближеніи поляковъ къ Винницѣ, Богунъ приказалъ своему отряду вырубить ледъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по его соображенію, поляки должны были переправляться; потомъ, давъ льду едва замерзнуть, въ теченіи двухъ ночей, приказалъ на эту часть льда набросать соломы. Поляки, не ожидая подобной ловко устроенной западни, бросились чрезъ рѣку и очень много ихъ потонуло.

Хотя Калиновскій и овладѣлъ Винницей, но узнавъ о приближеніи полковника Глуха съ многочисленнымъ казачьимъ и татарскимъ отрядомъ онъ долженъ былъ отступить къ Бару въ большомъ безпорядкѣ. Казаки бросились за поляками и нанесли имъ значительный уронъ. Однихъ убитыхъ было болѣе 4-хъ тысячъ.

Вслѣдъ за этимъ 60 тысячъ казаковъ и татаръ нѣсколько разъ подступали къ Каменецъ-Подольску, надѣясь овладѣть крѣпостью,

но поляки такъ отчаянно защищали ее, что казаки должны были отступить.

Въ это время Казиміръ собралъ все свое войско около Сокола, и 15 іюня повелъ, подъ личнымъ своимъ предводительствомъ, къ Берестечку, и укрѣпился. Тамъ онъ узналъ отъ Вишневецкаго, что 27 іюня, казаки, соединясь съ татарами, приближаются къ Берестечку. 28 іюня утромъ Казиміръ послалъ три тысячи кавалеріи развѣдать гдѣ непріятель.

Казачьи передовые отряды приближались къ Берестечку и въ это время произошло уже нѣсколько ничтожныхъ схватокъ между поляками и казаками.

29 іюня казаки и татары расположились лагеремъ въ 10 верстахъ отъ Берестечка; казаки на правомъ крылѣ стали укрѣпляться, а татары, составлявшіе лѣвое крыло, заняли гористую мѣстность. Между обоими лагерями находился лѣсъ, который служилъ отличнымъ прикрытіемъ отъ непріятеля, какъ казакамъ, такъ и татарамъ, но одно было неудобство, что онъ раздѣлялъ ихъ лагерь. Вечеромъ того же дня, казаки и татары начали под-

ходить къ Берестечку. Казиміръ приказалъ Потоцкому, съ большей частью войска встрѣтить непріятеля, а самъ оставался въ резервѣ. Непріятели встрѣтились, и, хотя бой продолжался не болѣе трехъ часовъ и ничего не рѣшилъ, но тѣмъ не менѣе, потери съ обѣихъ сторонъ были значительныя, въ особенности для поляковъ; два генерала, Осоновскій и Козановскій были убиты. На ночь непріятели возвратились въ свои лагери.

30 іюня Казиміръ рѣшился дать генеральное сраженіе, и выстроилъ свою армію передъ разсвѣтомъ въ слѣдующимъ боевомъ порядкѣ: правымъ крыломъ командовалъ коронный гетманъ Николай Потоцкій, имѣя у себя подъ начальствомъ князя Юрія Любомірскаго, Льва Сапѣгу и Конецпольскаго. Лѣвымъ крыломъ командовали: князь Вишневецкій и Калиновскій. Артиллерія, подъ начальствомъ генерала Прицынскаго, почти вся была собрана въ самой серединѣ арміи. Пѣхота была построена въ нѣсколько линій, а кавалерія, назначенная для ея подкрѣпленія, была собрана на обѣихъ крылахъ. Передовымъ отрядомъ кавалеріи командовалъ князь Радзивилъ, а коро-

левскими тѣлохранителями—генералъ Вальди. Вотъ въ какомъ порядкѣ повелъ Казиміръ свою армію, утромъ 30 іюня, на казаковъ.

Удивились казаки, а въ особенности татары, увидя предъ собою такого многочисленнаго непріятеля, наступающаго на нихъ въ такомъ необыкновенномъ, для тогдашняго времени, боевомъ порядкѣ, но не оробѣли молодцы—украинцы, а бодро, лихо бросились въ атаку на поляковъ и старались всѣми силами разстроить этотъ порядокъ, но всѣ усилія ихъ остались напрасными; Казиміръ подъ смертной казнью запретилъ своимъ войскамъ вдаваться въ бой, и безъ выстрѣла достигъ непріятельскаго лагеря. Тутъ только открылъ онъ адскій огонь своею артиллеріею. До 3 часовъ по-полудни кипѣлъ ужасный бой. Въ 3 часа Казиміръ приказалъ Вишневецкому съ 12 полками лѣваго крыла броситься на казацкій лагерь. Вишневецкій съ необыкновенной храбростью выполнилъ королевское повелѣніе, но и въ Хмельницкомъ онъ встрѣтилъ не менѣе мужественнаго и стойкаго соперника и былъ имъ отбитъ. Тогда Казиміръ самъ бросился на помощь Вишневецкому

напалъ на непріятельскій центръ, разъединилъ казаковъ отъ татаръ и стѣснилъ ихъ въ гористой мѣстности, которую они занимали до сраженія.

Этотъ моментъ долженъ былъ рѣшить сраженіе. Казиміръ, сознавая это, употребилъ все свое мужество, весь свой военный геній. Всѣ орудія его артиллеріи открыли жестокій огонь противъ татаръ, гетманъ Николай Потоцкій своимъ правымъ крыломъ, а король своимъ центромъ, бросились въ атаку; Вишневецкій лѣвымъ крыломъ напалъ на казаковъ. Тогда закипѣла сильная, отчаянная битва. Король подавалъ примѣръ храбрости. Не щадя жизни, онъ бросался въ самыя опасныя мѣста, кругомъ его падали убитые, но онъ не обращалъ вниманія. Казаки тоже дрались отчаянно, а потому еще неизвѣстно еще было, въ чью пользу окончится сраженіе. Поляки еще разъ повторили атаку всѣми своими силами; ханъ испуганный убитымъ около него мурзой, не выдержалъ; повернувъ коня и поскакалъ назадъ во весь духъ. За нимъ бросилась вся орда и остановилась только въ пяти верстахъ отъ поля битвы. Эта трусливость хана принесла полякамъ полную побѣду.

Богданъ, видя бѣгство татаръ, бросился съ небольшимъ отрядомъ въ погоню за ханомъ, чтобы уговорить его вернуться въ бой. Тѣмъ временемъ, пока Богданъ вынужденъ былъ догонять хана, начальство надъ казаками, за его отсутствіемъ, принялъ сначала полковникъ Джеджелей, а потомъ Богунъ. Казаки, храбро отражая непріятельскія атаки, отступили въ порядкѣ на версту отъ поля сраженія, къ рѣкѣ Пляшовой и стали окапываться. Настала ночь. Они съ нетерпѣніемъ поджидали своего Богдана, но прошелъ день, прошло два, а его все нѣтъ, а поляки, тѣмъ временемъ, окруживъ казачій лагерь, стали громить его своей артиллеріей. Казаки отстрѣливались, дѣлали вылазки, пускались на разныя хитрости, и, наконецъ, вступили съ поляками въ переговоры. Поляки требовали отъ казаковъ выдачи Хмельницкаго и Виговскаго, отдачи всѣхъ пушекъ и знаменъ, уменьшенія казачьяго войска и покоренія крестьянъ подъ власть пановъ. Казаки отказались принять эти условія. Тогда король послалъ за рѣку трехтысячный отрядъ, и такимъ образомъ казаки были окружены со всѣхъ сторонъ поляками.

Прождавъ 10 дней, потерявъ всякую надежду получить помощь отъ Богдана, и претерпѣвая во всемъ громадный недостатокъ и голодъ, они рѣшились переправиться черезъ рѣку и пробиться черезъ трехтысячный отрядъ. Дорого они поплатились за эту отчаянную вылазку. Суматоха, съ какой они бросились черезъ рѣку, произвела между ними большой безпорядокъ, много было и такихъ, которые не успѣли выбраться изъ лагеря; всѣ погибли подъ польскими саблями, да и тѣмъ, которымъ удалось переплыть рѣку, выпала не вполнѣ завидная доля. Они или попались въ руки полякамъ, или умерли съ голода въ дремучихъ лѣсахъ. Весь казачій лагерь, обозъ, 48 пушекъ, вся походная казна Богдана и множество знаменъ (въ томъ числѣ одно знамя пожалованное казакамъ Владиславомъ, а другое Казиміромъ), достались полякамъ. Число убитыхъ казаковъ доходило до пятидесяти тысячъ. Если бъ Богданъ дѣйствовалъ подъ Берестечкомъ нераздѣльно съ татарами, то навѣрно бы ханъ не обѣжалъ, и тогда общими ихъ силами поляки были бы разбиты.

Между тѣмъ, съ Богданомъ, вотъ что прои-

зошло: догнавши хана онъ всѣми силами старался удержать его отъ бѣгства, употреблялъ все свое дипломатическое искусство, доказывая трусливому хану, что сраженіе еще не проиграно, клялся Богомъ, что еще есть надежда разбить поляковъ,—но все было напрасно. Ханъ не только не слушалъ его просьбы, но и самого Богдана захватилъ съ собою, грозясь выдать его полякамъ. Ханъ разсердился на Богдана за то, что подъ Берестечкомъ, наткнулся на громадную польскую силу, а Богданъ увѣрялъ его, что поляковъ будетъ мало, а добычи у нихъ много. Ханъ требовалъ съ Богдана большого выкупа, и пока Богданъ послалъ за выкупомъ, пока привезли ему деньги, ханъ все его укорялъ. Наконецъ привезли Богдану выкупъ, онъ разсчитался съ ханомъ. Безсовѣстный ханъ и послѣ всего этого подло поступилъ съ Богданомъ: онъ ограбилъ его такъ, что оставилъ въ одной рубашкѣ, да въ тулупѣ. Прискакалъ несчастный Богданъ домой и два дня пилъ безъ просыпа.

Отдохнувъ немного отъ этой неудачи, Хмельницкій собралъ пятьдесятъ тысячъ казаковъ,

чтобы идти отомстить полякамъ за потерю подъ Берестечкомъ. Смотря на этотъ молодцовытый, пятидесяти-тысячный отрядъ, собранный у Маслова Брода, вполнѣ готовый къ бою, подъ предводительствомъ самого Богдана, ни кому и въ голову не могло прійти, что это тотъ самый Богданъ, который такъ недавно перенесъ ужасное пораженіе подъ Берестечкомъ и позорный плѣнъ у крымскаго хана. Хотя, вернувшись на родину, Хмельницкій не привелъ съ собою ввѣренныхъ ему Богомъ казаковъ, но народъ, смотря на это честное, закаленное въ бояхъ лицо героя, и теперь, въ несчастіи, смотрѣлъ на него, какъ на своего избавителя. Да и могла ли одна неудача затмить столько славныхъ его дѣлъ? одного его присутствія въ Украйнѣ уже было достаточно, чтобы разсѣять страхъ и водворить прежнее спокойствіе между жителями. Вездѣ явились обнародованія, въ которыхъ Богданъ ободрялъ и обнадеживалъ подвластный ему народъ, смѣялся надъ польскимъ главнокомандующимъ Потоцкимъ, который, по его содѣйствію, былъ тоже разъ въ плѣну у хана. Называя счастье перемѣнчивымъ, онъ обнадеживалъ казаковъ, что скоро появится на

ихъ знаменахъ новая луна, намекая этимъ, что покоритъ Крымъ.

Въ это время скончался непримѣримый врагъ Богдана—князь Вишневецкій, и пока одна часть польскаго войска отдавала послѣдній долгъ своему храброму полководцу, другая, подъ начальствомъ князя Радзивила, разбила подъ Лоевымъ казачій отрядъ, который шелъ навстрѣчу, чтобы помѣшать ему соединиться съ арміей Потоцкаго. Разбивъ казаковъ подъ Лоевымъ, Радзивилъ овладѣлъ Кіевомъ и безчеловѣчно опустошилъ эту древнюю, русскую святыню.

Пришлось опять просить у поляковъ мира. Казиміръ приказалъ Адаму Киселю вступить въ переговоры съ уполномоченными Хмельницкаго. Послѣ долгихъ разсужденій, обоюдныхъ неуступокъ, напрасныхъ требованій со стороны казаковъ возстановить статьи Зборовскаго договора, наконецъ, былъ заключенъ, въ Бѣлой Церкви, 28 сентября 1651 года новый договоръ, по которому уничтожалось почти все то, что было поставлено подъ Зборовымъ. Кромѣ всего этого, войско Запорожское уменьшилось на половину, а

гетманъ малороссійскій обязанъ былъ подчинится польскимъ короннымъ гетманамъ.

Видя все это, Хмельницкій сталъ опять просить московскаго царя, чтобы онъ принялъ украинскій народъ подъ свою крѣпкую руку. Онъ еще въ 1648 году обращался къ царю Алексѣю Михайловичу о принятіи его въ подданство со всей Малороссіей, но существовавшая въ то время дружба между Россіей и Польшей мѣшала исполнится пламенному желанію Богдана; но онъ не терялъ надежды и посылалъ въ 1650 году войскового писаря Виговскаго, а въ 1651 году Савича, но и эти оба посольства остались безъ успѣха. Правдивый русскій царь опять предпочелъ собственнымъ своимъ выгодамъ сохраненіе союзной вѣрности съ поляками. Между тѣмъ польское правительство не могло равнодушно смотрѣть на сношенія Богдана съ Россіей, оно боялось, что Богданъ, войдя въ сношеніе съ русскимъ царемъ не отдался бы съ Малороссіей подъ власть могущественнаго сѣвернаго монарха, а потому варшавскій кабинетъ старался прекратить всякое сношеніе казаковъ съ Россіей и послалъ съ этою цѣлью.

7-го октября 1650 года, въ Москву посланника Пражмовскаго, который предложилъ боярамъ передать Его Царскому Величеству, „что Король Польскій, по дружбѣ къ Русскому Царю, предупреждаетъ его въ зломъ умыслѣ Гетмана Хмельницкаго, который, по совѣту Султана, готовится не только соединить казачьи войска съ татарами, но и напасть на Россію. Что послы Хмельницкаго и Хана въ прошломъ мѣсяцѣ пріѣзжали въ Варшаву просить Короля дать имъ вспомогательнаго войска, что въ случаѣ казацкаго и татарскаго нападенія на Россію, Король не находитъ возможнымъ удержать самовольныхъ казаковъ и безпокоится, чтобы Государь не имѣлъ на него неудовольствія“.

Это была только офиціальная сторона посольства, затаенная же цѣль состояла въ томъ, чтобы Царь Алексѣй Михайловичъ, сохраняя постоянно миръ съ поляками, не принималъ къ себѣ Богдана съ войскомъ. На это русскіе бояре отвѣтили польскому посланнику слѣдующее: Такъ какъ казаки считаются подданными поляковъ, то если они сдѣлаютъ нападеніе на Россію, тогда царь приметъ

это за нарушеніе мирнаго договора со стороны польскаго короля, а потому король не долженъ допускать казаковъ до подобнаго самовольства, крымское же нападеніе не страшно Россіи и войско противъ него всегда готово".

Хотя царь Алексѣй Михайловичъ на прежнія три просьбы Богдана не давалъ надежды, но теперь, когда отношенія Польши къ Россіи съ каждымъ днемъ становились все важнѣе и запутаннѣе, то Царь рѣшилъ не отказываться отъ принятія въ свое подданство Малороссіи и съ этою цѣлью созвалъ въ Москвѣ на 19-е февраля 1651 г. соборъ, пригласивъ къ нему патріарха съ высшимъ духовенствомъ, бояръ и всякаго чина и званія людей. На этомъ соборѣ, въ присутствіи царя Алексѣя Михайловича, разсуждали о слѣдующемъ:

во 1-хъ), что въ грамотахъ короля Польскаго титулъ Царя Московскаго пишется не по Государскому его достоинству,

во 2-хъ), что появились въ Польшѣ книги, въ которыхъ про Государя, его отца и дѣда

напечатаны злыя, безчестныя укоризны и хулы,

въ 3-хъ), что король Польскій ведетъ съ Крымскимъ Ханомъ частую переписку и задумываетъ вмѣстѣ съ нимъ напасть на Россію, что онъ недавно пропустилъ въ Швецію крымскихъ пословъ и, подавая этимъ явную причину къ ссорѣ и

въ 4-хъ), что Малороссійскій Гетманъ, Богданъ Хмельницкій, нѣсколько разъ неотступно проситъ принять его со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ въ Россійское подданство, иначе ж онъ будетъ вынужденъ вступить въ подданство Турецкаго Султана.

Затѣмъ, царь предложилъ собору дать рѣшительный отвѣтъ, что дѣлать Россіи, если король не исправитъ титулъ Государя и не накажетъ виновныхъ за оскорбленіе честнаго имени Его Царскаго Величества, напечатанныя въ польскихъ книгахъ. На это патріархъ Іосифъ съ прочимъ духовенствомъ отвѣтили Царю письменно: „что если король не исправится и виновныхъ не накажетъ, то Святая, Соборная церковь за великія королевскія неправды и за нарушеніе договора, разрѣшаетъ

ему, Государю, Царю Алексѣю Михайловичу, принять въ свое подданство Запорожскаго Гетмана, а если король исправится, то вопросъ о Запорожскомъ Гетманѣ они отдаютъ на волю Государя,—какъ его Богъ вразумитъ". Съ этимъ мнѣніемъ Патріарха согласились и бояре и остальные чины.

Уже назначенъ былъ курьеръ въ Польшу, чтобы потребовать рѣшительнаго отвѣта по этому дѣлу отъ Варшавскаго кабинета, какъ пріѣхали къ царю полномочные послы Казиміра, Витовскій, Обуховичъ и его секретарь Обринскій, съ предложеніемъ заключить союзы противъ крымскаго хана.

Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ боярамъ постановить съ послами: какимъ путемъ итти на Крымъ? Сколько съ обѣихъ сторонъ должно быть войска? гдѣ соединиться? гдѣ стоять войскамъ? и какимъ способомъ вести войну?

На эти вопросы послы Казиміра отвѣтили боярамъ, что рѣшительныхъ отвѣтовъ дать они не могутъ, такъ какъ Казиміръ не уполномочилъ ихъ, а все только надоѣдали и Царю и боярамъ, чтобы Россія помогла Польшѣ

смирить непокорнаго Богдана и казаковъ, которые безпрестанными набѣгами тревожатъ Польшу.

На это бояре, именемъ государя, сказали посламъ: пусть Польша прежде помирится съ Богданомъ и казаками, а тогда только Россія заключитъ договоръ съ Польшей о наступленіи общими силами на Крымъ. Не понравился посламъ этотъ отвѣтъ бояръ, не удалось имъ и въ этомъ вооружить Россію противъ честнаго Богдана, и уѣхали послы ни съ чѣмъ домой.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1652 г., Путивльскій воевода, князь Хилковъ, препроводилъ къ царю, полученное имъ отъ Богдана письмо слѣдующаго содержанія: „Ежели ко мнѣ, Гетману, и къ войску Запорожскому, не будетъ скоро изъ Россіи жалованья и помощи на непріятелей нашихъ, которые на насъ наступаютъ и измѣну творятъ, и если насъ подъ крѣпкую свою руку Его царское Величество не приметъ и отъ непріятелей тѣхъ Вѣры православныя и христіанъ не оборонитъ, тогда о себѣ иначе Гетманъ и войско опомышлять будутъ“.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, Богданъ послалъ въ Москву казака, Ивана Искру, который словесно передалъ царю, о желаніи гетмана и всего малороссійскаго народа вступить въ Русское подданство. Подумалъ милостивый и справедливый царь, что откладывать это дѣло далѣе уже нельзя (приходилось или уже навсегда отказаться отъ Малороссіи, или же, на горячихъ порахъ, спасти ее отъ поляковъ) и рѣшилъ взять Богдана и Украйну подъ свою защиту.

Немедленно были отправлены изъ Москвы къ Богдану два посла, Унковскій и Адрабьевъ, переговорить съ Богданомъ о принятіи его и всего Малороссійскаго народа подъ покровительство доброй, любящей и справедливой Россіи.

Тяжелое время переживали казаки. Народъ, недовольный Бѣлоцерковскимъ миромъ, роптал, земля была разорена въ конецъ, отъ разоренья пошелъ голодъ, цѣлыя толпы крестьянъ и казаковъ переселились на границу Московскаго государства и строили казачьи слободы (которыя теперь стали городами) Сумы, Лебединъ, Харьковъ, Ахтырку, Изюмъ, Валки другіе.

Жестокое обращеніе поляковъ-пановъ съ крестьянами достигло до величайшей степени. За ничтожную вину за которую теперь мировой судья не принялъ-бы и жалобы) панъ сажалъ на колъ своего хлопа.

Обрадовался Богданъ пріѣзду царскихъ пословъ и принялъ ихъ съ большою честью. Онъ поручилъ своему любимцу, Войсковому писарю Виговскому, переговорить съ ними подробно. Этотъ Виговскій былъ человѣкъ очень хитрый и неблагодарный, и за всѣ ласки и любовь къ нему Гетмана онъ ему черно отблагодарилъ, дѣлая на него доносы, но такъ ловко, что умѣлъ концы прятать, а честная душа Богдана и неподозрѣвала въ немъ измѣнника и шпіона. Этотъ Виговскій, въ числѣ другихъ поляковъ, былъ взятъ въ плѣнъ казаками въ сраженіи при Желтыхъ Водахъ, понравился Богдану, вкрался въ его душу и современемъ былъ сдѣланъ войсковымъ писаремъ. Будучи родомъ полякъ, Виговскій, ради своихъ выгодъ, измѣнилъ родинѣ, принялъ православіе и остался служить казакамъ, а потомъ, служа Богдану, и бывъ облагодѣтельствованъ, онъ измѣнилъ и ему, передавая

Россійскому Двору всю тайную переписку гетмана съ сосѣдними государствами. Онъ былъ страшно жаденъ къ деньгамъ, золото было его божество, ему одному онъ не измѣнялъ. Слѣдующій разговоръ Виговскаго съ русскими послами очень вѣрно и мѣтко характеризуетъ эту низкую натуру.

„Только мнѣ быть-бы надежну на Государственную милость"—говорилъ Виговскій Унковскому и Адрабьеву,—„а до коихъ мѣстъ я буду, и въ томъ уповаю на Бога, чаю удержати Гетмана и все Запорожское войско и Хана Крымскаго и всю Крымскую Орду отъ похода войною на Его Царскаго Величества, Украйные города и причиненія всякова инова Государева городамъ и мѣстамъ и людямъ зла, потому Крымскій Ханъ и Мурзы и кто у нихъ есть владѣтели меня слушаютъ, вѣдомо имъ, что, за помощью Божіею, я въ войску запорожскомъ владѣтель во всѣхъ дѣлахъ, а Гетманъ и полковники и все Запорожское войско меня слушаютъ же, и почитаютъ и Венгерскій король (такъ называли казаки князя Трансильванскаго Ракоція) зоветъ меня къ себѣ и власть мнѣ и жалованье велико даетъ" и при этомъ Виговскій показывалъ русскимъ

посламъ грамоту отъ Ракоція, въ которой дѣйствительно онъ обѣщалъ Виговскому, что если онъ къ нему пріѣдетъ, то опредѣлить ему 1500 червонцевъ въ годъ жалованья, дать въ управленіе нѣкоторые города и назначить его командующимъ войсками. „А все это потому“ объяснилъ Виговскій посламъ, „что меня король Венгерскій знаетъ, что я у него бывалъ и про то онъ вѣдаетъ, что я отъ войска запорожскаго почтенъ, а я не мыслю мимо Великаго Государя никуда ѣхать, памятуя въ себѣ Великаго Государя Его царскаго Величества милость“. Вотъ какого сорта былъ войсковой писарь Виговскій, который предлагалъ свои услуги Русскому Двору и которому Богданъ поручилъ переговорить съ послами о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ присоединеніе Малороссіи. Хотя и въ этотъ разъ дѣло окончательно не было рѣшено, но тѣмъ не менѣе была полная надежда, что Русскій Царь пріиметъ Малороссію подъ свою державу и освободитъ ее навѣки отъ польскаго ига. Выпроводивъ русскихъ пословъ, Богданъ снова задумалъ какъ бы это женить своего Тимофея на дочери молдавскаго господаря? Его не безпокоила первая неудача по этому дѣлу,

бывшая еще въ 1649 году. Онъ теперь, въ 1652 году, надѣялся болѣе на согласіе нежели на отказъ, а потому и написалъ Молдавскому Господарю, „что если онъ добровольно не выдастъ своей дочери за его сына, то пусть ждетъ къ себѣ сто тысячъ брачныхъ гостей“. Эти слова Богдана такъ напугали молдаванъ, что они неотступно требовали отъ господаря для спасенія края согласіе на предложеніе гетмана. Честолюбивый Лупулъ, не желая выдать свою дочь, но вмѣстѣ съ тѣмъ дрожа и за свою голову, просилъ поляковъ удержать Богдана отъ похода на Молдавію.

Поляки съ готовностью исполнили просьбу господаря, и немедленно выставили у мѣстечка Батова десятитысячную армію, подъ начальствомъ Калиновскаго.

Напрасно Богданъ совѣтывалъ ему не мѣшать жениху съ свадебными гостями прійти въ Молдавію, напрасно предостерегалъ его чтобы веселая молодежь не нанесла бы ему и его арміи какого-нибудь неудовольствія; Калиновскій не слушался и оставался на томъ же мѣстѣ, какъ вдругъ неожиданно напали на него татары, составлявшіе передовой от-

рядъ казацкаго войска, а молодой Хмельницкій съ своими дружками, воспользовавшись лѣсистою мѣстностію, обошелъ поляковъ и окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Въ польскомъ лагерѣ произошелъ такой страшный безпорядокъ, что Калиновскій сдался; казаки, пользуясь случаемъ, отомстили теперь за пораженіе подъ Берестечкомъ, они купили за деньги право у татаръ раздѣлаться съ поляками. Три дня, по словамъ Грондскаго, продолжались казни. Въ числѣ другихъ, обезглавлены главнокомандующій Калиновскій и Красноставскій староста Собіевскій.

Послѣ этой рѣзни всѣ польскіе паны убѣжали изъ Украйны, старый Хмельницкій, съ главнымъ казачьимъ отрядомъ, расположился у Каменецъ-Подольска, а сына Тимофея, съ небольшимъ отрядомъ казаковъ и татаръ, выславъ навстрѣчу молдавскому господарю, который уже шелъ съ дочерью, чтобы отдать ея руку молодому Хмельницкому. Вотъ какимъ образомъ внукъ простого чигиринскаго сотника сдѣлался зятемъ молдавскаго господаря.

Отпраздновавъ весело свадьбу Тимофея, вернулся Богданъ въ Чигиринъ и немедленно

отправилъ къ Казиміру пословъ для оправданія своего сына, который какъ онъ писалъ,— „принужденно вступилъ въ бой съ Калиновскимъ, намѣревавшимся лишить его воды, земли и травы, которыхъ самъ Богъ не отнимаетъ ни у злыхъ, ни у добрыхъ". Въ заключеніе Богданъ все-таки просилъ у короля прощенія за своего сына и его свиту,—„если они, яко веселые люди, простерли слишкомъ далеко свою оборону". Это посольство было отпущенно изъ Варшавы безъ всякаго отвѣта, почему Богданъ немедленно отправилъ другое, съ просьбой выслать къ нему польскихъ комиссаровъ. Казиміръ приказалъ своимъ уполномоченнымъ передать Богдану, что онъ готовъ простить ему только въ такомъ случаѣ, если онъ немедленно откажется отъ всякой дружбы съ татарами и вышлетъ въ залогъ къ нему въ Варшаву своего сына Тимофея. Это требованіе короля такъ разсердило Богдана, что онъ, вынувъ саблю предъ польскими послами, сказалъ имъ: „Поѣзжайте въ Варшаву къ вашему королю и объявите ему, что если онъ желаетъ мира, то пусть дастъ клятву, что утвердитъ Зборовскія статьи, которыя мы,

съ саблями въ рукахъ, предписали вамъ, полякамъ".

Царь Алексѣй Михайловичъ между тѣмъ все медлилъ насчетъ присоединенія Украины къ Россійскому государству. Эта медленность принудила Богдана, въ такія тяжелыя для него минуты, искать покровительства у турецкаго султана.

Малороссійскія лѣтописи повѣствуютъ, что Миргородскій полковникъ Гладкій и Гуляницкій начали упрекать Богдана въ томъ, что онъ будто бы желаетъ отдалится отъ Россіи, передать Украйну турецкому султану и поработить свободныхъ людей и ихъ вѣру. Чувствуя себя совершенно правымъ, не стерпѣлъ Богданъ такихъ незаслуженныхъ упрековъ и велѣлъ отрубить головы Гладкому и Гуляницкому. Гладкаго казнили, а Гуляницкій спасъ свою жизнь, убѣжавши въ монастырь, гдѣ и постригся въ монахи.

Король Казиміръ, получивъ отвѣтъ Богдана, былъ такъ разсерженъ имъ, что приказалъ Чернецкому ворваться съ пятнадцатью тысячнымъ отрядомъ въ Украйну и разорить ее до тла. Не успѣлъ Хмельницкій приготовится къ походу, какъ Чернецкій, съ невѣроятной

быстротой завоевалъ мѣстечки: Клинцы, Липовецъ и Погребище, сжегъ ихъ и разорилъ до основанія. Богданъ выслалъ противъ него Богуна, который употребилъ слѣдующую военную хитрость, чтобы вѣрнѣе разбить поляковъ: онъ переодѣлъ часть своего отряда въ турецкое платье и приказалъ ему броситься на поляковъ съ тылу, въ тотъ самый моментъ, когда онъ, съ другой частью отряда, бросится спереди. Поляки, не подозрѣвая обмана, вообразили, что татары опять пришли на помощь казакамъ и такъ испугались, что убѣжали съ поля сраженія, бросили весь свой обозъ, множество раненыхъ и ушли изъ Украйны. Въ числѣ раненыхъ находился самъ Чернецкій.

Переговоры Богдана насчетъ союза съ Турціей кончились безуспѣшно, а между тѣмъ бѣдная Украйна терпѣла столько безпокойства отъ своихъ сосѣдей, что понялъ старый гетманъ, какое несбыточное дѣло устоять ему безъ московскаго царя, а потому онъ опять обратился съ просьбой къ правдивому и милостивому царю Алексѣю Михайловичу. 21-го апрѣля 1553 года прибыли въ Москву Укра-

инскіе послы Вырляй и Мужиловскій съ прошеніемъ о принятіи Малороссіи и войска Запорожскаго подъ высокую государеву руку и о защитѣ Украйны отъ поляковъ. Государь, снисходя усиленной просьбѣ Богдана, согласился принять участіе въ бѣдственномъ положеніи Малороссіи и заступиться за нее передъ Польшей, а потому, чрезъ недѣлю послѣ пріѣзда малороссійскихъ пословъ, отправилъ въ Варшаву великое уполномоченное посольство подъ главнымъ предсѣдательствомъ боярина князя Бориса Александровича Репнина-Оболенскаго. Цѣль посольства была слѣдующая:

1) Потребовать объясненій, почему титулъ Государя пишется не по его государскому достоинству?

2) Наказать виновныхъ за оскорбительныя выраженія противъ священной особы его Царскаго Величества.

3) Признать Зборовскія статьи договора съ Запорожцами,—и

4) Уничтожить въ Польшѣ Унію.

На всѣ эти требованія король отвѣтилъ весьма неудовлетворительно и, отпустивъ русскихъ пословъ, на другой же день выступилъ

со всѣмъ своимъ войскомъ противъ Богдана, стоявшаго вмѣстѣ съ татарами подъ Бѣлой-Церковью.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ сильно раздраженъ подобнымъ неудовлетворительнымъ отвѣтомъ короля и приказалъ собрать соборъ въ Грановитой Палатѣ, гдѣ, въ присутствіи Его Царскаго Величества было объявлено: „что король польскій отказалъ въ требованіи Государя о принятіи Запорожцевъ по Зборовскому договору, что Уніаты готовятся истребить, живущихъ въ Польшѣ и Литвѣ православныхъ и, что гетманъ Хмельницкій и все Запорожское войско неотступно просятъ о принятіи ихъ въ Русское подданство и о высылкѣ имъ трехъ тысячъ вспомогательнаго войска. Выслушавъ это, духовенство и бояре рѣшили: гетмана Богдана Хмельницкаго со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, съ городами и землями, принять въ Русское подданство, не потому только, что они исповѣдуютъ одну съ нами православную вѣру и много насъ объ этомъ просятъ, но и потому, чтобы не отдать ихъ въ обиду полякамъ, или въ рабство туркамъ.

Вслѣдствіе этого рѣшенія, государь при-

казалъ готовиться къ походу въ Польшу, а гетману Богдану отправилъ курьера съ объявленіемъ: „что такъ какъ польскій король Янъ Казиміръ не желалъ признать за Запорожцами Зборовскаго договора, что онъ и выразилъ русскому послу князю Рѣпнину, то государь обѣщалъ прислать гетману Богдану великое посольство для принятія его съ казаками въ подданство и для объявленія указа о вспомогательномъ войскѣ противъ Польши.

Во время этихъ переговоровъ сынъ Богдана сражался за своего тестя Лупула, котораго выгналъ изъ Яссъ валахскій господарь Радуль. Сначала счастье помогало молодому Хмельницкому, онъ разбилъ Валаховъ, вернулъ тестю его потерянныя владѣнія; но когда къ Валахамъ пришли на помощь поляки, то они заставили Тимофея отступить отъ Яссъ и осадили его въ крѣпости Сочавѣ. Полтора мѣсяца съ необыкновенной храбростью защищались казаки и молдаване, пока роковое ядро не лишило жизни молодого Хмельницкаго. Сочава сдалась. Казакамъ было приказано присягнуть въ вѣрности королю и присоединиться къ польской арміи. Плохо приходилось отряду покойнаго Тимофея, но къ счастью

ихъ, поляки дали имъ слабый конвой, подъ командой ротмистра Мозельницкаго; казаки воспользовались случаемъ, напали на поляковъ, перебили ихъ, Мозельницкаго взяли въ плѣнъ и привезли Богдану трупъ его любимаго сына. Горько рыдалъ старый гетманъ, хороня своего дорогого Тимофея. Господарша молдавская и жена покойнаго тоже явились въ казачій лагерь отдать послѣдній долгъ, дорогому для нихъ, молодому герою.

Похоронивъ сына, Богданъ съ казаками и татарами окружилъ подъ Жванцемъ поляковъ и навѣрно бы принудилъ короля заключить, выгодный для Украйны, миръ, если-бъ Казиміръ не подкупилъ крымскаго хана, который за польское золото измѣнилъ въ дружбѣ Богдану и заключилъ съ Казиміромъ договоръ, по которому рѣшено было покорить навсегда казаковъ Польшѣ, напасть соединенными силами на Россію и вернуть татарамъ астраханское Царство. Эта низкая измѣна хана заставила Хмельницкаго вернуться съ казаками въ Украйну. Этимъ и окончились военныя дѣйствія казаковъ въ 1653 году.

Наконецъ исполнилось давно задуманное желаніе Богдана: въ первыхъ числахъ янва-

ря 1654 года прибыло въ Переяславль русское посольство для приведенія къ присягѣ на вѣчное подданство гетмана и всего малороссійскаго народа царю Алексѣю Михайловичу. Посольство состояло изъ слѣдующихъ особъ.

Тверской намѣстникъ бояринъ Василій Васильевичъ *Бутурлинъ*, муромскій намѣстникъ, окольничій, Иванъ Васильевичъ *Алферьевъ* и думный дьякъ Харитонъ Дмитріевичъ *Лопухинъ*. Въ ихъ свитѣ находилось: девять стольниковъ, семь дворянъ, стряпчій, два переводчика, три сотника и двѣсти стрѣльцовъ подъ начальствомъ головы московскихъ стрѣльцовъ боярина Артамона *Матвѣева*. Узнавъ о пріѣздѣ пословъ, прискакалъ Богданъ изъ Субботова въ Переяславль 6-го января, 7-го была собрана великая рада (народное собраніе).

Хмельницкій, въ сопровожденіи казацкихъ старшинъ, вышелъ къ народу, сталъ подъ знаменемъ и, въ присутствіи русскихъ пословъ, произнесъ сильную, горячую рѣчь, въ которой высказалъ о всѣхъ бѣдствіяхъ, перенесенныхъ украинцами отъ поляковъ, объявилъ о желаніи турецкаго султана, польскаго короля и крымскаго хана обладать Украйной,

прибавилъ, что русскій царь изъявляетъ согласіи взять подъ свое высокое покровительство Малороссію. Рѣчь свою Богданъ заключилъ слѣдующими словами: „Вотъ уже 6-ть лѣтъ какъ живемъ мы въ тревогѣ и угнетеніи, видно не судьба намъ обойтись безъ царя! Выбирайте же кого хотите: турецкаго ли султана, крымскаго ли хана, короля ли польскаго или православнаго государя великой Россіи? Турецкій султанъ — басурманъ, отъ него православные греки терпятъ большую бѣду. Крымскій ханъ тоже басурманъ, мы только по нуждѣ вели съ нимъ дружбу, и за то столько вынесли отъ него горя, разореній и пролитія крови христіанской! Объ польскомъ королѣ и говорить нечего; сами вы знаете, что нашъ братъ казакъ былъ для поляковъ хуже жида и собаки. А православный Русскій Царь одного съ нами благочестія, одной съ нами вѣры. Онъ внялъ нашей просьбѣ, заступился за насъ и прислалъ намъ съ Царской милостью своихъ пословъ. Если мы Его Царскому Величеству присягнемъ въ вѣрности, если мы Его полюбимъ, то лучшаго защитника мы не найдемъ. А если кто съ нами не согласенъ, пусть идетъ куда хочетъ —

вольная дорога!“ Выслушавъ своего Гетмана народъ въ одинъ голосъ закричалъ:—„Хотимъ подъ Царя Русскаго, православнаго! Хмельницкій приказалъ одному полковнику пойти по кругу и спрашивать на всѣ четыре стороны: всѣ ли такъ хотятъ!—„Всѣ!“ кричалъ народъ. Тогда Богданъ взволнованнымъ, но громкимъ голосомъ сказалъ:—„Да укрѣпитъ насъ Господь Богъ подъ Его царской рукой!“ народъ отвѣтилъ: — „Боже укрѣпи, Боже утверди, чтобы на вѣки всѣ были воедино!“ Послѣ этого народъ довольный, счастливый разошелся по домамъ. На другой день, т. е. 8-го января, гетманъ Богданъ съ войсковымъ писаремъ Виговскимъ, съ атаманами, съ обозными, полковниками, есаулами, сотниками и хорунжими сдѣлалъ визитъ русскимъ посламъ, принялъ отъ нихъ царскую грамоту, поцѣловалъ ее, распечаталъ и передалъ Виговскому, приказавъ прочесть при всемъ войскѣ и народѣ. Потомъ поѣхалъ Богданъ въ каретѣ съ послами въ соборную, Успенія Пресвятой Богородицы, церковь, гдѣ, по окончаніи литургіи, принесъ присягу въ подданство Его Царскому Величеству.

Изъ собора гетманъ, опять въ каретѣ, съ

посланниками вернулся въ посольскій домъ, все же остальное казачье начальство и множество народа провожало карету до крыльца польскаго дома пѣшкомъ. Пріѣхавъ къ себѣ, послы передали Богдану Царскіе подарки: знаки, булаву, ферезь, шапку, и соболи. Изъ польскаго дома гетманъ пошелъ къ себѣ домой пѣшкомъ, одѣвъ на себя пожалованныя государемъ ферезь и шапку, держа въ рукахъ булаву, царское же знамя несли передъ нимъ старшины всего казначейства, весь народъ съ восторгомъ провожалъ своего батьку до дому!

Въ слѣдующіе затѣмъ дни приводилось къ присягѣ все казачье начальство, всѣ казаки и всѣ жители Переяславля.

Послѣ этого посланники, раздавъ почетнымъ казакамъ царскіе подарки, выѣхали изъ Переяславля въ другіе города Малороссіи, приводить жителей къ присягѣ и затѣмъ вернулись въ Москву.

Вслѣдъ за отъѣздомъ посланниковъ изъ Украйны, Богданъ отправилъ къ царю своихъ пословъ: генеральнаго судью Богдановича и Переяславскаго полковника Тетерю, которые въ первыхъ числахъ марта пріѣхали въ

Москву съ договорными статьями и съ прошеніемъ къ царю о подтвержденіи малороссійскихъ правъ. Алексѣй Михайловичъ съ радостію исполнилъ просьбу, покорившагося ему народа и не только даровалъ присланныя Богданомъ статьи, но даже даровалъ малороссамъ еще много милостей, а гетману Богдану назначилъ одну тысячу червонцевъ жалованья въ годъ, (что въ то время составляло очень много).

И такъ Россія не пролила ни одной капли крови, не издержала ни одного рубля на присоединеніе Малороссіи съ шестьюдесятью тысячами храбраго войска. Польскій же король, купившій подъ Жванцемъ у крымскаго хана, за сто тысячъ золотыхъ союзъ противъ Богдана, уже мечталъ владѣть Украйной, а потому онъ былъ, какъ громомъ пораженъ, когда узналъ о торжественномъ присоединеніи Украйны къ Русскому Государству.

Онъ немедленно разослалъ по Украйнѣ прокламаціи въ которыхъ совѣтовалъ казакамъ: „разорвать учиненную на вѣчное тиранство присягу Московскому Царю“; обѣщая содержать ихъ „въ своей королевской ласкѣ и оставить ихъ при давнихъ правахъ и вольно-

стяхъ". Но было уже поздно, да къ тому и Богданъ и все начальство въ мірѣ, не измѣнили бы присягѣ.

Скоро между царемъ русскимъ и королемъ польскимъ началась война. Одна часть русскаго войска подъ начальствомъ князя Хованскаго и боярина Шеина пошла въ Литву, завоевать тамошніе города, другая, подъ начальствомъ Бутурлина была назначена для защиты Украйны отъ поляковъ, а третью повелъ самъ царь подъ Смоленскъ. Уходя въ походъ царь приказалъ боярину Василію Борисовичу Шереметьеву беречь границы Южной Россіи отъ набѣговъ крымскихъ и нагайскихъ татаръ.

Гетманъ Богданъ, не желая оставаться молчаливымъ зрителемъ, когда его новое отечество шло проливать свою кровь, желалъ принять тоже участіе въ этой войнѣ, и съ этой цѣлью отправилъ своего шурина, нѣжинскаго полковника, Ивана Золотаренка съ восьмью тысячами казаковъ къ Гомелю, а брата своего, наказного полковника Василія, подъ Смоленскъ. 5-го іюля русскіе осадили Смоленскъ; осада была упорна, поляки крѣпко

держались и только 10-го сентября сдались русскимъ.

Казаки во время осады имѣли случай, въ глазахъ царя, отличиться и выказать свою храбрость, за что государь щедро ихъ наградилъ, а Золотаренка и старшинъ удостоилъ два раза приглашать къ своему столу.

Въ тоже время шуринъ гетмана овладѣлъ Гомелемъ и новымъ Быховымъ и, разбивъ, подъ Шкловомъ, литовскаго гетмана, князя Радзивала, принудилъ его бѣжать.

Страшная моровая язва, явившаяся въ Москвѣ въ 1654 году заставила государя провести эту зиму въ Вязьмѣ, куда пріѣхала и царица Марія Ильинишна съ семействомъ. Богданъ же съ казаками стоялъ въ это время за Кіевомъ подъ Фастовымъ, (это тотъ самый Фастовъ, который черезъ годъ будетъ соединенъ желѣзной дорогой съ Знаменско Николаевской линіей, а потому было бы прилично распорядиться, кому слѣдуетъ, назвать ее Фастово-Хмельницковской и увѣковѣчить такимъ образомъ пямять героя-освободителя Украйны. Молодое поколѣніе, проѣзжая эту мѣстность, невольно вспомнило бы, сколько этотъ человѣкъ сдѣлалъ добра Россіи и пред-

чувствовало бы, какіе громадные успѣхи сдѣлало наше отечество на пути прогресса управляемое августѣйшимъ потомствомъ Алексѣя Михайловича, въ особенности же въ царствованіе нашего обожаемаго Александра Николаевича). Не сдобровалось полякамъ послѣ присоединенія Украйны къ Россіи, кромѣ счастливыхъ побѣдъ, одержанныхъ русскими и казаками, завоевавшими у нихъ въ короткое время болѣе двухсотъ городовъ и шведскій король Карлъ X тоже нанесъ имъ такое чувствительное пораженіе, что несчастный Казимиръ долженъ былъ бѣжать въ Силезію, а помощь, которую онъ разсчитывалъ получить отъ крымскаго хана Ислама-Гирея, не приходила. Поляки отправили въ Бахчисарай посольство съ просьбой вспомогательнаго войска, но Ислама-Гирея не было уже на свѣтѣ. Новый ханъ Менгли-Гирей требовалъ новой дани, и только тогда прислалъ помощь полякамъ, когда они заплатили ему сто тысячъ золотыхъ.

Хмельницкій, узнавъ о выступленіи изъ Каменецъ-Подольска польско-татарской арміи, послалъ, ей навстрѣчу наказного атамана Томиленка съ нѣсколькими полками, которые

были разбиты и вынуждены были отступить. Богданъ, вмѣстѣ съ войсками боярина Василія Борисовича Шереметьева, поспѣшилъ на помощь къ своему разбитому отряду, но помощи подать не могли. Поляки внезапно напали на русско-казацкое войско, между Ставищами и Охматовымъ, и заставили Шереметьева отступить въ безпорядкѣ.

Впрочемъ, Хмельницкій съумѣлъ помочь горю, онъ воодушевилъ войско, остановилъ его, повернулъ назадъ и съ такой силой ударилъ на поляковъ, что завладѣлъ, отнятымъ у нихъ поляками, обозомъ и съ необыкновеннымъ мужествомъ отражалъ всѣ ихъ атаки. Цѣлые два дня кипѣлъ смертный бой. Кровь лилась ручьями. Малороссійскія лѣтописи повѣтствуютъ, что убитые съ обѣихъ сторонъ составили высокій валъ около всего казацкаго лагеря. Народъ совершенно мѣтко назвалъ это мѣсто битвы Дрожи-полемъ. Каховскій утверждаетъ, что въ одномъ только первомъ сраженіи Богданъ потерялъ до десяти тысячъ убитыми. Русскіе и казаки лишены были всякаго продовольствія и терпѣли страшный голодъ и къ тому же были окружены со всѣхъ сторонъ поляками. Одно средство оста-

валось къ спасенію: прорваться черезъ непріятельскую армію, что и было исполнено съ необыкновеннымъ мужествомъ и отчаянною храбростью. Прорвавшись чрезъ польскую армію, Богданъ соединился съ отрядомъ Томиленка, и, узнавъ отъ него, что поляки выступили изъ Украйны, распустилъ казаковъ по домамъ.

Въ концѣ 1655 года Богдану счастливѣе воевалось съ поляками, нежели въ началѣ. Воспользовавшись отсутствіемъ ихъ союзника, крымскаго хана, Хмельницкій, соединившись съ войсками князя Ромадановскаго и Бутурлина, разбилъ 18-го сентября въ пухъ и прахъ поляковъ при Слонигродскѣ, взялъ въ плѣнъ двухъ родственниковъ короннаго гетмана Потоцкаго и многихъ полковниковъ: потомъ отправился къ Львову и продержалъ его 2 мѣсяца въ осадѣ. Другой же казачій отрядъ въ это самое время овладѣлъ Люблиномъ, разбилъ двухъ польскихъ гетмановъ и возвратился въ Украйну съ богатой добычей.

Крымскій ханъ, узнавъ какъ русскіе и казаки немилосердно бьютъ поляковъ, поспѣшилъ помочь полякамъ. Татары встрѣтились съ казаками при урочищѣ, называемомъ Озер-

ная Стрѣлка, гдѣ и произошло сраженіе. Казаки разбили татаръ. Ханъ изъявилъ желаніе вступить съ Богданомъ въ переговоры, на что храбрый гетманъ немедленно согласился, потребовалъ только въ залогъ нѣсколько мурзъ. Съ небольшой свитой отправился Богданъ въ палатку Менгли-Гирея. Ханъ принялъ его очень недружелюбно и даже дерзко, когда гетманъ, по восточному обычаю, поднесъ ему подарки, то ханъ бросилъ ихъ на землю и началъ укорять Хмельницкаго въ томъ, что онъ заключилъ союзъ съ русскимъ царемъ, а не съ нимъ, ханомъ. На это Хмельницкій напомнилъ ему съ своей стороны, о сраженіяхъ подъ Берестечкомъ и Жванцемъ, въ которыхъ татары такъ подло измѣнили, такъ низко поступили съ казаками. Выслушавъ отвѣтъ Богдана, ханъ пришелъ въ страшный гнѣвъ, грозилъ гетману великой силой своихъ татаръ, хвастаясь, что они еще подъ предводительствомъ Батыя приводили въ трепетъ не только одну Россію, но и Польшу и Германію. На эту угрозу Хмельницкій кладнокровно и даже насмѣшливымъ тономъ отвѣтилъ Менгли-Гирею:—„Неужели ты думаешь, ханъ, что меня можно одурачить и напугать,

какъ глупаго мальчишку? Я хорошо знаю, что татарскія царства: Сибирское, Казанское, Астраханское и многія другія, откуда выходила безчисленная орда ваша,—вамъ ужъ помощи не дадутъ, находясь теперь подъ скипетромъ русскаго царя. Къ чему же вспомянулъ ты мнѣ о Батыѣ? Такъ знай же, что война подобна мечу обоюдоострому. Пріобрѣтенное Батыемъ, потеряно Мамаемъ! Послѣ подобнаго отвѣта разговоръ прекратился, и крымскій ханъ и казачій гетманъ разстались врагами на вѣки!

Вернувшись въ Чигиринъ, Хмельницкій отправилъ къ государю, въ Москву, письмо, въ которомъ, отъ имени всей Малороссіи, благодарилъ за освобожденіе казаковъ отъ польскаго ига и за принятіе ихъ подъ крѣпкую царскую руку; желалъ отъ всей своей души возвращеніе государю и остальныхъ его наслѣдственныхъ земель Волыни, Подолья, Полѣсья, незаконно заграбленныхъ у Россіи поляками; письмо оканчивалось слѣдующей просьбой: „дабы Малая Россія, при цѣлости вольностей своихъ, въ непремѣнной милости Высокомонаршей всегда благонадежно пребывала“.

Съ этого времени Хмельницкій самъ уже никуда на войну не ходилъ, а только всего разъ, снисходя просьбамъ шведскаго короля Карла X и Трансильванскаго князя Ракоція, посылалъ къ нимъ въ 1655 году на помощь противъ поляковъ вспомогательный отрядъ, подъ начальствомъ кіевскаго полковника Адамовича, который, разбивая вездѣ поляковъ, участвовалъ во взятіи шведами Кракова и Варшавы, гдѣ казакамъ досталась богатая добыча: они захватили огромную казну походную и всѣ королевскія драгоцѣнности.

А между тѣмъ польскій король Янъ Казиміръ, гонимый судьбою, преслѣдуемый вездѣ несчастіями, вынужденъ былъ не только помириться съ Богданомъ, но даже искать его помощи и всѣми средствами заискивать его союза и дружбы. Но всѣ старанія Казиміра были напрасны, Богданъ отвѣчалъ, что только тогда онъ готовъ забыть Польшѣ все то зло, что она сдѣлала Украйнѣ, если Казиміръ пришлетъ немедленно въ Чигиринъ полномочныхъ коммисаровъ, которые торжественно признаютъ казаковъ навсегда совершенно свободнымъ, независимымъ отъ Польши народомъ.

Послѣ долгихъ неудачныхъ сношеній съ

Богданомъ, Казиміръ воспользовался несогласіемъ между Швеціей и Россіей и посредствомъ Вѣнскаго двора просилъ у Россіи мира и помощи противъ шведскаго короля.

Царь Алексѣй Михайловичъ, будучи уже недоволенъ на Богдана за то, что онъ, безъ его царскаго позволенія, самовластно помогъ шведскому королю, приказалъ казакамъ вступить въ походъ на защиту поляковъ противъ шведовъ.

Хотя Богданъ не смѣлъ ослушаться приказанія своего государя, хотя онъ немедленно приказалъ собираться въ походъ и отправляться на помощь своимъ заклятымъ врагамъ—полякамъ, но тѣмъ не менѣе ему было крайне непріятно подобное приказаніе. Ему казалось, что онъ обиженъ, скорбь и тоска овладѣли старымъ гетманомъ.

Высылая казаковъ подъ начальствомъ своего сына Юрія, гетманъ приказалъ и ему и старшинамъ казацкимъ всѣми силами стараться, какъ можно долѣе, не соединяться съ польской арміей и какъ можно болѣе, находить предлоговъ оставаться въ бездѣйствіи; это приказаніе гетмана было исполнено свято, а потому Казиміръ самъ долженъ былъ очи-

щать Польшу отъ войскъ Карла X и Ракоція.

Онъ ужасно разсердился на Богдана за подобную медвѣжью любезность и рѣшился ему отомстить во что-бы то ни стало. Онъ для этого поручилъ своему посланнику, Игнатію Бонковскому, донести царю, что Хмельницкій уговаривалъ будто трансильванскаго князя и шведскаго короля напасть вмѣстѣ съ казаками на Россію.

Царь Алексѣй Михайловичъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Богданъ и казаки, послѣ стольких благодѣяній отъ Россіи, измѣнили-бы своей присягѣ, и послалъ въ Чигиринъ своего стольника Василія Петровича Кикина разслѣдовать доносъ. По разсмотрѣніи дѣла оказалось, что этотъ доносъ несправедливъ, что Казиміръ сдѣлалъ его только для того, чтобы очернить честнаго гетмана передъ царемъ и отомстить ему за присоединеніе Украйны къ Россіи.

Кикинъ, уѣзжая въ Москву, повезъ отъ гетмана письмо къ государю. Въ этомъ письмѣ Богданъ увѣрялъ государя въ своей всегдашней любви и преданности къ его величеству и къ Россіи, клялся въ своей невинности и

въ доказательство представилъ на видъ царю, что Казиміръ безъ стыда, безъ совѣсти рѣшился присылать къ нему, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, своего секретаря Беньевскаго, который предлагалъ ему, гетману, со всей Малороссіей отъ имени Казиміра, отдѣлиться отъ его царскаго скипетра и заключить дружественный союзъ съ польской короной, чего онъ, гетманъ, не только не рѣшится сдѣлать, но и думать объ этомъ не желаетъ Что къ нему, гетману, еще въ 1655 году прислалъ въ Чигиринъ своихъ агентовъ и турецкій султанъ и шведскій король, чтобы склонить гетмана измѣнить Россіи.

Конечно, противъ всѣхъ этихъ искушеній честный Богданъ устоялъ; все это, разумѣется, могло служить для царя Алексѣя Михайловича вѣрнѣйшимъ доказательствомъ невиновности гетмана, но тѣмъ не менѣе все это и обижало, задѣвало самолюбіе честнаго Богдана

такое вліяніе на его высокую душу, что онъ сильно затосковалъ, здоровье его, и безъ того разстроенное всѣми невзгодами походной жизни, окончательно стало ему измѣнять.

Замѣтно было съ каждымъ днемъ какъ

старѣлъ Хмѣльницкій; онъ дѣлался часто безпокоенъ, недовѣрчивъ, раздражителенъ, а тутъ еще, ко всему пріятному, Богданъ узналъ, что кіевскій воевода Бутурлинъ донесъ государю, что у гетмана въ Чигиринѣ устраивался сеймъ, на которомъ съѣзжались посланники князя Ракоція, молдавскаго и волахскаго господарей и крымскаго хана, и что, будто бы вслѣдствіе этихъ совѣщаній, гетманъ заключилъ съ Венгріей, Молдавіей Валахіей и Крымомъ дружественный союзъ.

Хотя на доносъ Бутурлина царь не обратилъ вниманія, убѣдившись уже въ честности и вѣрности гетмана, но этотъ доносъ усилилъ болѣзнь Богдана и ускорилъ его кончину. Чувствуя, что скоро придется на вѣки покинуть Украину, гетманъ приказалъ собраться въ Чигиринѣ на 6 августа всѣмъ старшинамъ, полковникамъ, сотникамъ, хорунжимъ и всему казацкому войску.

Въ послѣдній разъ явился Богданъ среди обожавшихъ его казаковъ, и въ какомъ грустномъ положеніи! Мужественное лицо его уже было покрыто смертельною блѣдностью, уже потухъ огонь его выразительныхъ глазъ, из-

чезъ его орлиный взглядъ, передъ которымъ трепетали его враги, ослабѣли его геройскія, сильныя руки, и, почти умирающій, герой, согнувшись отъ тяжести лѣтъ и болѣзней, выведенъ былъ къ тѣмъ самымъ казакамъ, которые въ битвахъ едва поспѣвали за своимъ удалымъ гетманомъ, которые едва успѣвали собирать то, что онъ косилъ на войнѣ! Въ этотъ моментъ Чигиринская площадь, усѣянная казаками, ожидавшими, безъ шапокъ, появленія своего дорогого Богдана, представляла величественную и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательную картину; глубокая тишина изрѣдка прерывалась тихимъ плачемъ закаленныхъ въ бояхъ, усатыхъ, старыхъ казаковъ.

Но вотъ вышелъ и, собравшись съ духомъ, Хмельницкій произнесъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ, краткую но сильную по содержанію рѣчь.

Въ этой рѣчи онъ сначала объяснилъ народу, какимъ образомъ подъ его предводительствомъ храбрые казаки избавили Украйну отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя она испытывала отъ поляковъ, потомъ благодарилъ войска за его мужество и храбрость, оказанную имъ въ бояхъ противъ поляковъ, венгровъ, ва-

лаховъ и татаръ, а также и за то, что они выбрали его своимъ гетманомъ и постоянно его слушали; сожалѣлъ что Богъ не далъ ему окончить войну съ поляками, такъ какъ ему этого хотѣлось; наконецъ объявляя всѣмъ о своей скорой кончинѣ, поручалъ войску своего сына Юрія, приказалъ похоронить себя не въ Чигиринѣ, а въ своемъ родномъ Субботовѣ и окончилъ свою рѣчь вопросомъ — „кого казаки желаютъ послѣ его смерти имѣть гетманомъ? Все начальство и все войско провозгласило въ одинъ голосъ своимъ гетманомъ сына Богдана, молодого Юрія.

Напрасно Богданъ совѣтывалъ старшинамъ и войску избрать гетманомъ другого, болѣе опытнаго, нежели его молодой Юрій, но народъ и всѣ старшины настояли на своемъ и выбрали Юрія.

Тогда старый гетманъ, тронутый общей къ нему любовью народа, со слезами на глазахъ, подозвалъ къ себѣ сына и вручилъ ему гетманскіе клейноды. Потомъ совѣтывалъ ему уважать старшинъ, любить народъ и служить вѣрно царю по своей присягѣ. Вотъ какія дорогія, почти святыя слова были произне-

сены, 6-го августа 1657 года, умирающимъ гетманомъ, на Чигиринской площади.

Между тѣмъ страданья гетмана увеличивались, смерть приближалась. Богданъ усердно молился Богу. 15-го августа 1657 года причастился онъ Святыхъ Тайнъ, ровно въ полдень грянула пушка, ударилъ 3 раза колоколъ соборной церкви, Богдана Хмельницкаго не стало. Одной честной, высокой душой стало меньше на Украйнѣ, а больше на небесахъ!!

Двѣ недѣли тѣло гетмана лежало въ соборной Чигиринской церкви, куда со всѣхъ концовъ Украйны шли старые и малые отдать послѣдній долгъ тому, кто такъ свято, по христіански, исполнилъ долгъ, завѣщанный ему отъ Бога.

30-го августа съ необыкновеннымъ торжествомъ понесли осиротѣвшіе казаки тѣло гетмана въ Субботово, и такъ громко рыдали, опуская своего родного батьку въ могилу, что не слышно было церковнаго пѣнія.

Изъ устъ въ уста идетъ молва, что покой стараго гетмана былъ нарушенъ безчестнымъ поступкомъ Чернецкаго.

Преданіе говоритъ такъ: когда Чернецкій,

въ 1664 году, перешелъ Днѣпръ съ польскимъ войскомъ и осадилъ въ мѣстечкѣ Бужинѣ кошевого атамана Сѣрка, надѣясь совершенно его уничтожить, то Сѣрко, въ ночь подъ первый день Пасхи, пробился сквозь многочисленные ряды непріятеля и ушелъ въ степи.

Эта неудача такъ раздражила мстительнаго Чернецкаго, что онъ выжегъ Бужино и Субботовъ, приказалъ выбросить изъ могилы, драгоцѣнныя для казаковъ, кости Богдана Хмельницкаго и его любимаго сына Тимофея, сжегъ ихъ, а могилы ихъ срылъ, такъ чтобы и слѣда не осталось. Вотъ какимъ низкимъ образомъ думалъ Чернецкій уничтожить въ народѣ память о великомъ гетманѣ, но вмѣсто того, онъ только навѣки обезславилъ самого себя!

Надгробный камень, гласившій о безсмертныхъ подвигахъ Богдана, хотя и разбитъ, но такимъ героямъ-освободителямъ не нужны памятники. Память о нихъ въ народѣ всегда будетъ жить.

Никакая злоба не въ силахъ никогда изгладить ту сердечную благодарность, которую и теперь, черезъ 200 лѣтъ, питаютъ Русскіе

люди къ покойному гетману. Церковь, въ которой упокоился прахъ Хмельницкаго, существуетъ и до сихъ поръ въ Субботовѣ, и теперь еще, при каждомъ Богослуженіи, священникъ и народъ усердно молятъ Бога за упокой души создателя этого храма и благодѣтеля Украйны.

ПРОДАЕТСЯ
У
ИЗДАТЕЛЯ КНИГОПРОДАВЦА
И.А.МОРОЗОВА
НИКОЛЬСК. УЛ. Д. ЦЕРК. ВЛАДИМІРС. Б.М.
ВЪ
МОСКВѢ

W381.5917N-B733g

W117141